

Игорь Марков

НИЧЕЙНЫЙ ОСТРОВ
И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Принцесса Луза,

которая прилетела
на воздушном
шаре

12+

Игорь Владимирович Марков Принцесса Лиза, которая прилетела на воздушном шаре

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42610664
SelfPub; 2019*

Аннотация

Когда строили новый город, один маленький домик на краю леса потеряли. Хозяева уехали навсегда, а прохожие идут мимо и не замечают, что за колючими зарослями шиповника поселились новые обитатели – маленькие необычные человечки. Они думают, что живут на острове, и считают его своим общим домом. И вот однажды к ним случайно прилетела маленькая принцесса. Человечки хотят помочь девочке вернуться назад, для чего отправляются в дальнее путешествие. На пути из бытовки в коттедж их поджидают трудности и смертельные опасности. Автор рисунка на обложке – Юлия Калашникова ©, 2019.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1. Шарик прилетел	6
1	6
2	10
3	13
4	17
Глава 2. Друзья из коробки	20
1	20
2	25
Глава 3. Нам поможет машинка времени	31
1	31
2	34
3	36
Глава 4. Душевная клумба	44
1	44
2	46
3	51
4	59
Глава 5. Граница на замке	69
1	69
2	72
3	74
4	76

Глава 6. Что сказал Баклажаб	86
1	86
2	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Предисловие автора

В нижнем ящике моего письменного стола хранится жестяная коробка от печенья. Я называю её – коробка забытых воспоминаний. Туда я складываю разные памятные для себя вещи. Часы на цепочке мне подарили в день рождения. Перочинный ножик я нашёл, гуляя в лесу. Красивую авторучку купил сам с первой зарплаты. Складываю я эти вещи в коробку, чтобы потом когда-нибудь достать и рассказать их истории. Но, к сожалению, почти никогда этого не делаю. Так они и лежат там в душной темноте много лет – ждут, когда же ими кто-нибудь заинтересуется. Ведь это очень печально, если ты никогда никому не нужен.

Вот я и подумал: а что если бы они чудесным образом превратились в маленьких человечков и сами напомнили о своём существовании – выбрались из скучной коробки и отправились в весёлое и опасное путешествие. Нашли друзей и сразились с врагами. Они могли бы гулять по обычным городским улицам или поселиться в сказочном месте.

Вот тут-то я и нашёл недалеко от своего дома Ничейный Остров...

Глава 1. Шарик прилетел

1

Ножик проснулся раньше всех. Он аккуратно заправил кровать, которую по старой армейской привычке называл койкой, и осторожно, стараясь не шуметь, спустился вниз. Деревянные ступеньки жалобно скрипели под его башмаками, напоминая, что не плохо было бы их уже отремонтировать, а ещё лучше – заменить новыми.

График дежурства по общежитию висел на прежнем месте, прикрывая дырку между досками входной двери. Разноцветные канцелярские кнопки растянули бумажный листок за уголки и крепко держали его цепкими коготками. Рядом одиноко болтался на верёвочке красный остроносый карандаш. Ножик внимательно изучил таблицу, как будто видел её в первый раз, и в клеточке напротив своего имени поставил крестик. Он и безо всякого графика помнил о своём дежурстве, тем более что сам начертил его на прошлой неделе, – но, как говорится, во всём должен быть порядок. Принял дежурство – сделай отметку в таблице и приступай к выполнению служебных обязанностей. Свежая вода сама в дом не приплывёт. А нужна она всем. И ходить к роднику тоже должны все – по очереди.

В домике было ещё темно. Слабый утренний свет с трудом пробивался через пыльное стекло маленького окошка. Но снаружи уже прояснилось. Короткая летняя ночь закончилась. Чёрная мохнатая тень уползла до вечера под крыльцо. И умытая свежей росой лужайка окрасилась в весёлый изумрудно-зелёный цвет.

Новое ведро, накануне вечером сделанное из блестящей консервной банки, стояло на верхней ступеньке, готовое к выполнению первого задания. Ножик ухватился за проводочную ручку и спрыгнул вниз на тропинку. От неожиданности, потеряв твёрдую опору, ведро испуганно качнулось в воздухе и больно стукнуло его по коленке. Ручка недовольно скрипнула. Ножик крепче сжал кулак. Ведро почувствовало сильную мужскую руку и успокоилось.

Солнце уже поднялось над горизонтом, но из-за высоких деревьев его ещё не было видно. Только один шустрый лучик нагло пробился сквозь курчавые листья смородинового куста. Не разбирая дороги, он со всего маха врезался Ножик в живот, отскочил и рассыпался по мокрой траве миллион радужных искринок. Ножик зажмурился. А когда снова открыл глаза, край солнца уже выглянул из-за старой берёзы и залил ярким светом покосившийся домик с крылечком, траву и узенькую жёлтую тропинку. Искринки погасли. От нагретых капелек росы вверх потянулись тоненькие струйки пара. Запахло свежей травой и тёплым песком.

*Бравые гвардейцы, жёлтые мундиры.
Нас ведут к победе отцы-командиры.
Впереди полковник на гнедом коне.
Машет из окошка Папа Римский мне.*

Эта нескладная песенка о швейцарских гвардейцах, которые несут службу в Ватикане, Ножику очень нравилась. Он сочинил её сам и часто напевал, когда никто не слышал.

Дальний конец тропинки убегал в тёмно-зелёные заросли малинника. Колючие кусты давным-давно никто не подрезал, они одичали и разрослись в непроходимую густую чащу. Высоко наверху, ближе к солнышку, среди больших листьев кое-где уже виднелись красные пупырчатые ягоды. Ниже, около земли, листва редела, и в частокле сухих прошлогодних веток открывался проход похожий на пещеру. Здесь тропинка заканчивалась, уткнувшись в небольшую песчаную площадку.

В центре площадки со дна неглубокой ямки, обложенной по кругу двумя рядами белых камней, бил ключ чистой прозрачной воды. Ножик по-хозяйски осмотрел родник: нет ли какого-нибудь постороннего мусора. Но ничего кроме маленьких жёлтых песчинок, весело танцующих в природном фонтанчике, не заметил.

На противоположенной стороне родника в каменном ограждении образовался узкий пролом, куда из ямки вытекала лишняя вода. Через несколько шагов ещё можно было

видеть, как тонкие водяные струйки переплетаются в прозрачную косичку. Но затем ручеёк с тихим журчанием нырял под большую чёрную корягу и терялся в колючих зарослях. Куда он стремился, и что находится за этими зарослями, Ножик не знал.

Наполненное до краёв ведро отяжелело и успокоилось. На обратном пути оно уже не болталось самовольно и не било Ножика по ногам. Только скрученная из проволоки ручка согнулась от напряжения и больно врезалась в ладонь. Ножик остановился, чтобы размять онемевшие пальцы, и полез в карман за носовым платком. Он с сожалением посмотрел на чистый и тщательно выглаженный платок: очень жалко было мять его и пачкать, обматывая тонкую проволоку...

И вот тут-то Ножик заметил нечто, с чего и начинается эта не совсем обычная, а можно даже сказать, – совсем необычная история.

Слева от его головы и немного повыше на кустарнике висела... простая верёвка. Нижний конец верёвки разлохматился, а серый цвет сливался с засохшими стеблями малины. Поэтому, наверное, Ножик и не заметил её, когда шёл к источнику. А возможно она появилась тут только что, пока он набирал в роднике воду. Ножик спрятал носовой платок обратно в карман и потянул за конец верёвки – сгодится, чтобы обмотать проволочную ручку ведра.

Верёвка натянулась, но не хотела сдаваться без сопротивления. Ножик посмотрел вверх, пытаясь разглядеть место, где она зацепилась за куст. В густой зелени виднелось что-то мягкое, похожее на человеческую фигурку: с головой, ручками и ножками, а ещё выше в яркой синеве неба – что-то большое круглое и блестящее, похожее на вертолёт.

Ножик потянул верёвку сильнее. Фигурка дёрнулась, а вертолёт взмахнул винтом и закачался из стороны в сторону. Тут Ножик разглядел, что это не простой вертолёт, а воздушный шарик в форме вертолёта. Лёгкий газ, которым он был наполнен, частично улетучился, и вертолётные лопасти обвисли по бокам фюзеляжа, как уши грустного кролика. Да и сам фюзеляж заметно помялся и скукожился.

Ножик прихватил верёвку второй рукой и изо всех сил потянул вниз. Воздушный шарик прекратил сопротивление

и последовал за натянутой верёвкой, а вместе с ними опустилась и человеческая фигурка. Очень скоро у него в руках оказалась... маленькая девочка. Она спала или была без сознания.

Ножик в своей жизни видел много маленьких девочек, но эта выглядела не совсем обычно. Даже очень странно выглядела. Как будто это была не настоящая девочка, а тряпичная куколка, сшитая из лоскутков цветной материи и связанная из шерстяных ниток. Белое платьице в голубой горошек перетягивал на талии красный пояс. На ногах – вязаные полосатые чулки, как у голландских матросов, и кожаные полусапожки с блестящими пряжками. Сквозь полуприкрытые веки виднелись большие тёмно-синие глаза – пуговицы. Чёрные волосы из толстых пушистых ниток собраны над ушами в два хвостика с красными бантиками, а между ними сияет ажурная корона, свитая из тонкой серебряной проволоки и усыпанная сверкающими камушками.

Верёвка несколько раз обмотанная вокруг талии была завязана крепким двойным узлом. Такой узел и в спокойной обстановке не так-то просто развязать одной рукой, а когда на другом конце дёргается и пытается улететь воздушный шар, вообще невозможно. Недолго думая, Ножик достал одно из своих острых лезвий и перерезал верёвку. Освободившись от лишнего груза, шарик радостно устремился вверх.

Ножик положил девочку на землю и брызнул ей в лицо водой из ведра. Она глубоко вздохнула, открыла глаза и спро-

сила:

– А где Маша?

– Не знаю, – ответил Ножик. – Какая Маша?

– Моя Маша...

– Здесь нет никакой Маши. А ты кто?

– Я – Лиза.

– Судя по твоей короне ты не просто Лиза, а настоящая королева Елизавета, – пошутил Ножик.

– Принцесса, – поправила его девочка.

– Ну пусть будет принцесса. Принцесса Лиза – тоже красиво... А что ты делала на воздушном шаре?

– Летала.

– Логично. Я бы мог и сам догадаться. А откуда и куда?

– Вверх и вниз, – ответила Лиза и только сейчас сообразила, что с ней произошло что-то необычное. – А где я? – испуганно спросила она и шмыгнула носом.

– Не бойся, ты на Острове.

– На каком острове? На необитаемом?

– Почему необитаемом. Очень даже обитаемом... На Ничейном Острове...

3

Здесь я хочу прервать на короткое время историю принцессы Лизы и немного рассказать о Ничейном Острове и его обитателях.

На самом деле Остров, если посмотреть на него строго научно – с географической, так сказать, точки зрения, – никаким островом не является. И никто из его обитателей не может толком объяснить, как он появился, если вокруг нет ни морей, ни океанов. И почему он называется Ничейным.

Наиболее разумную версию высказал однажды Мастер Брегет, который, по общему мнению, является самым грамотным островитянином. Он полагал... Учёные люди, размышляя о чём-нибудь научном, всегда так говорят: «я полагаю». Так вот, Мастер Брегет полагал, что Остров ниоткуда не появился. Он всегда здесь был. Его просто-напросто – потеряли... или забыли... Поэтому он и стал ничейным. Ничейным Островом.

В давние времена, когда люди научились строить железные дороги, рядом с ними сразу появились дачные посёлки. Один из таких посёлков вырос неподалёку от Москвы, около станции Болшево Ярославской железной дороги. Потом, примерно через сто лет, на этом месте построили новый город Королёв с большими домами, школами, детскими садами и магазинами. Если вы сами не живёте в Королёве, то,

наверняка, слышали о нём. Здесь делают ракеты и находится знаменитый ЦУП – Центр управления полётом космических аппаратов.

Если бы у Мастера Брегета была топографическая карта или хотя бы мобильный телефон с навигатором, то он мог бы указать точные координаты Острова. Но этих полезных вещей у него не было и нет. Поэтому Мастер обозначил место приблизительно: «где-то в Комитетском лесу». Такое необычное название королёвские жители присвоили скромному лесочку, протянувшемуся узкой зелёной полосой вдоль железной дороги от четырёхэтажной автостоянки до водопроводного канала. Старые деревянные дачи много лет окружавшие его снесли, а на их месте построили новые многоэтажные дома. Теперь здесь каждый день гуляют молодые мамы с колясками и пенсионеры с собачками. А летом в хорошую погоду окрестные жители приходят в лес большими компаниями и устраивают пикники с шашлыками.

Но никто из многочисленных посетителей Комитетского леса не замечает одинокий дачный участок, который чудом сохранился и затерялся в густом кустарнике. По размеру участок такой маленький и расположен в таком неудобном месте, что, когда вокруг началась большая городская стройка, его не заметили и обошли стороной. Прежние хозяева участка – Мастер Брекет называет их древними людьми – не смогли продать резко подешевевшую недвижимость и попросту бросили свою дачу, как говорится, на произвол судьбы – пе-

рестали здесь бывать. Какой смысл ездить по автомобильным пробкам из столицы в соседний большой город?

На чертеже форма потерянного участка – прямоугольник. Одним своим краем он приткнулся к бетонному забору старой водокачки, а с трёх других сторон зарос кустами колючего шиповника. Много лет назад вокруг участка проехал трактор с большими колёсами и своим весом продавил размякшую от сырости почву, после чего здесь появились глубокие канавы. Весной, когда тает снег, и летом после дождя канавы наполняются водой и кажется, что дачный участок действительно находится на маленьком необитаемом острове.

Вот только никто из прохожих не догадывается, что остров этот не просто обитаем, а буквально кипит активной жизнью... Большие люди сюда никогда не заходят, поэтому маленькие человечки, которые тут обосновались, справедливо считают его своим общим владением, а значит – ничьим. Мастер Брегет говорит, что ещё древние римляне называли такие территории – «терра нуллиус», что в переводе с латинского означает – «ничья земля». Вот почему это место и называется Ничейным Островом.

Но одного странного явления никак не может объяснить даже учёный Мастер. Каким образом все нынешние обитатели и он сам появились на Острове? Долго размышляя на эту тему, Брегет пришёл к выводу, что некоторые здешние человечки в один прекрасный день подверглись необъясни-

мой мутации и чудесным образом произошли от обычных предметов, которые древние дачники оставили после себя, а некоторые другие человечки, гордо называвшие себя «местными», – от разных мелких животных, насекомых и даже растений, которые ещё до появления древних людей обосновались на этом крохотном участке подмосковной земли.

Гипотеза Мастера о происхождении жителей Ничейного Острова не отличалась строгой научностью и к тому же противоречила общепринятой эволюционной теории Чарльза Дарвина о происхождении видов, но ничего более разумного в его учёную голову не приходило. В потусторонние силы, как убеждённый материалист, Мастер не верил, и предполагал, что зарождение на Острове разумной жизни могло произойти под влиянием неисследованных пока ещё внешних космических излучений. Ведь неспроста Ничейный Остров появился не где-нибудь, а именно в Королёве – в городе, который напрямую связан с загадочной и бесконечной Вселенной...

Однако, вернёмся к Ножику и Лизе, которых мы оставили на песчаной тропинке с ведром воды.

Теперь, когда вы уже немного знакомы с Островом, можно пояснить, что Ножик в прежнем состоянии, как это легко догадаться, был – ножиком. Но не каким-то там простым кухонным ножиком, а настоящим складным ножом с разнообразными острыми и блестящими лезвиями. А Лиза, которая прилетела на воздушном шаре, ещё вчера была обычной тряпичной куклой с глазами, сделанными из больших тёмно-синих пуговиц от старого мамино пальто. Мама сшила её сама и подарила Маше на день рождения. Дочка решила, что новая кукла очень похожа на сказочную принцессу и надела ей на голову красивую корону, которую нашла в шкапулке со старыми бабушкиными украшениями.

День рождения отмечали в Комитетском лесу. Пока взрослые занимались приготовлением шашлыков, Маша с Костиком – сыном родительских друзей – играли на полянке. Костик подарил Маше разноцветный воздушный шарик в виде вертолётa. Шарик, наполненный лёгким гелием, энергично раздувал бока и стремился улететь в бездонное небо. За это его, как непослушного щенка, привязали к спинке складного стульчика. Но висеть без настоящего дела на поводке-верёвочке было скучно и совсем неинтересно. Гораздо

интереснее было привязывать к верёвочке разные предметы и проверять, на какую высоту шарик сможет их поднять.

Тряпичная принцесса оказалась значительно легче складного стульчика, но всё-таки немного тяжеловатой. Чтобы отправить её в полёт, приходилось подбрасывать шарик вверх. Он подлетал на несколько метров, останавливался на пару секунд, как бы раздумывая что делать дальше, и покачиваясь с боку на бок спокойно опускался на землю.

В тот день стояла прекрасная солнечная погода, какая часто бывает в Подмосковье в середине лета. Но иногда и в это приятное время случаются жуткие природные катаклизмы. Всё вроде бы хорошо – тепло, светит солнышко, воздух тих и спокоен – и вдруг откуда ни возьмись прилетает чёрная туча, гремит гром, сверкает молния, и поднимается сильный ветер. Кажется, что он дует сразу со всех сторон, закручивается воронкой, поднимает в воздух дорожную пыль и мусор. После этого из тучи, как из ведра, проливается холодный ливень. А через несколько минут дождь резко заканчивается, и чёрная туча улетает дальше. Ветер стихает. Солнышко, как бы оправдываясь за доставленное неудобство, быстро высушивает мокрую траву, а гости собирают разлетевшиеся во все стороны пластиковые тарелки и стаканчики.

Вы, наверное, знаете историю про волшебника Изумрудного города и девочку Элли, которую ураган унёс вместе с домиком в Волшебную страну. К счастью, Болшево находится совсем не в Канзасе, и таких сильных ураганов у нас не бы-

вает. Но мощности того ветра хватило, чтобы вырвать из Машинных рук воздушный шарик-вертолёт и поднять его вместе с Лизой выше макушки самой высокой сосны. А потом утащить в сторону за деревья и кусты так быстро, что никто не успел заметить куда...

Вот и всё, что успела рассказать Лиза о себе Ножику пока они шли по тропинке к домику. Её кукольная жизнь ещё только начиналась, и полёт на воздушном шаре был самым ярким событием.

Глава 2. Друзья из коробки

1

Домик, в котором жил Ножик и его друзья, стоял на самом краю Острова. Дальше него только густая колючая стена малины и одичавшего шиповника. Один раз Ножик попытался пробиться на другую сторону при помощи самого острого из своих нержавеющей лезвий, но вскоре оставил эту затею: уж очень крепкими и колючими оказались ветки, преградившие ему дорогу. Рассказывая друзьям о неудавшемся походе, он говорил, что разглядел вдалеке за кустами покосившийся столбик и прибитую к нему ржавую жестяную табличку с номером 37. «Здесь была калитка, через которую древние люди попадали на Остров», – объяснил он. Слушатели молча соглашались и кивали головами: ни подтвердить, ни опровергнуть правильность этого умозаключения они не могли.

Древние люди называли маленький деревянный домик «бытовкой». Они хранили в ней разные инструменты, пустые стеклянные банки для заготовок, стопки пожелтевших журналов и другие старые вещи, которые никому уже не были нужны, но выбрасывать которые было жалко.

Каркас бытовки, сколоченный из цельных сосновых брё-

вен, прошлой зимой немного покосился, но оставался достаточно крепким. Зарубки, оставленные топором древнего плотника, заполнились окаменевшей смолой. Внутри больших янтарных капель застыли лапки и крылышки доисторических комаров.

Дощатые стены бытовки много лет назад выкрасили в белый цвет. Но с тех пор краска потемнела и покрылась трещинами, а местами облезла совсем. Прямятые шляпки железных гвоздей вылезли наружу, и от них вниз по стенам протянулись рыжие полосы, как будто гвозди плакали ржавыми слезами, вспоминая, что нынче не то что давеча, когда и доски были ровнее, и сами они были прямыми и блестящими.

Крыша пострадала больше всего. Чёрные листы рубероида покрылись толстым слоем пыли, стали серыми и пятнистыми. В трещинах и на сгибах выросли кустики зелёного пушистого мха. С одного края кусок рубероида оторвался и при сильном ветре громко хлопал по дощатому настилу, мешая спать обитателям Бытовки. В щели между досками заливал холодный дождь, и человечкам приходилось подставлять тазики и вёдра, чтобы не промокнуть. В такие дни они любили поспорить на тему: что же нам теперь делать. Залатать наконец-то дырки на крыше или бросить всё как есть и переехать жить в Коттедж?

У каждого спорщика были свои весомые аргументы. Сторонники ремонта говорили, что в Коттедже их никто не ждёт, там и своих проблем хватает. А желающие уехать объ-

ясняли, что чинить старую крышу по частям бесполезно. Если уж браться за ремонт, то менять надо всё сразу, полностью и окончательно. Но на это никаких денег не хватит. Кстати, никаких денег у них совсем и не было.

В хорошую сухую погоду о крыше все сразу забывали, собирались вместе на лужайке перед Бытовкой и вспоминали, как хорошо было раньше, когда на Остров ещё приезжали древние люди. А самый старший из них, Николай Петрович, никогда не позволял себе называть их домик «бытовка», а всегда уважительно говорил «хозблок». Он оборудовал тут мастерскую и проводил в ней времени даже больше чем в коттедже за ручьём. Во время работы он любил напевать:

*Идёт весна парижскими бульварами,
И улыбаясь в отражениях витрин,
Вдыхает аромат любви.
А в небе голуби летают парами,
Лишь я один – бонжур тужур – один...*

О чём пелось в той грустной песне никто не понимал, тем более, что её исполнитель часто произносил иностранные слова или вовсе переходил на французский язык.

После Николая Петровича в бытовке остались кое-какие инструменты. Превратившись в человечков, они объявили себя главными – по той простой причине, что жили тут с давних времён. Они называли себя «мастеровыми» и с вы-

соты рабочего верстака презрительно посматривали на соседей, которых между собой прозвали «дачниками».

Ножик и другие дачники, в отличие от мастеровых, попали в бытовку случайно. Их крошечным домом была картонная коробка. Внук Николая Петровича – Шурик – хранил в ней свои драгоценности. В самый последний день он играл с ними в дедушкином хозблоке, а когда пришло время уезжать забыл коробку на полке рядом с пустыми стеклянными банками и стопками старых журналов «Огонёк». Больше Шурик на дачу не возвращался.

Так бы коробка и стояла там до сих пор, если бы однажды бродячий рыжий кот не забрался в Бытовку, разыскивая чего-нибудь вкусненькое. Он разорвал когтями несколько журналов, протёр мягкой лапой пыльное стекло и, не найдя в пустых банках ничего для себя интересного, пошёл дальше по своим кошачьим делам. По пути он просто так от нечего делать зацепил когтями картонную крышку. Коробка открылась...

На её дне кот обнаружил несколько странных и на первый взгляд совсем несъедобных человечков. Они с опаской смотрели вверх, ожидая самого худшего, но рыжий бродяга не проявил к ним никакого интереса. Он почесал головой об угол коробки, понюхал воздух, два раза чихнул, спрыгнул на пол и удалился, чтобы больше никогда сюда не возвращаться.

Человечки, помогая друг другу, вылезли наружу.

Шурик, который ко времени нашего рассказа уже сильно подрос и обзавёлся новыми игрушками, а возможно и собственными детьми, наверное, очень бы удивился, узнав в кого превратились когда-то ценные для него предметы.

2

Сейчас они сидели кружком около печки, сделанной из почерневшей алюминиевой кастрюли. Через дырочки от заклёпок, которыми когда-то крепилась ручка, было видно, как внутри весело потрескивают и разгораются дрова. Человечки ждали дежурного и свежую воду.

– Здравствуйте, – вежливо сказала Лиза, обращаясь сразу ко всей компании.

Через маленькое окно, затянутое обрывками старой паутины с высохшими мухами, пробился луч солнца и осветил собравшихся.

Ближе всех от входа сидел очень красивый и, выражаясь по-старомодному, в прямом смысле слова блестящий молодой человек. Он был одет так, как будто ожидал завтрак не в дачной бытовке, а как минимум в Букингемском дворце на дипломатическом приёме у английской королевы. Чёрные до блеска начищенные туфли, чёрные отутюженные брюки с идеальными стрелками, белоснежный застёгнутый на все пуговицы смокинг, рубашка с накрахмаленным стоячим воротничком и чёрный галстук-бабочка. Вьющиеся волосы необычного серебряного оттенка, стягивал тонкий золотой обруч, усыпанный по кругу маленькими сверкающими кристаллами.

Лиза восхищённо смотрела на него не могла отвести глаз.

Человечек, вероятно привык к такой реакции незнакомых людей на свой неотразимый облик, но всё-таки немного смутился, встал со стула и галантно поклонился. Чувствовалось благородство происхождения и хорошее воспитание. Наверное, это принц, – подумала Лиза и поправила корону на своей голове. Но он принцем не был, хотя и имел длинное красивое имя, которое идеально подходило к его блистательному облику – Маркиз де Флакон О де Колон. Но друзья звали его просто Маркизом или даже Мариком, а когда хотели посмеяться – Флаконом или Пузырьком.

Маркиз не обижался на шутки друзей: они же не были виноваты в том, что им в жизни повезло меньше чем ему. Не всем удаётся родиться в приличном месте и получить хорошее воспитание в высшем обществе – на витрине дорогого парфюмерного магазина. В прежние времена Пузырёк был хрустальным флаконом мужского одеколona с элегантной чёрно-белой этикеткой, серебряной пробкой и золотым ободком. Со временем он опустел, но, сохранив блестящую внешность, в глубине своей остался приятным и душевным парнем.

Рядом с ним сидела девушка, которая при случае могла бы составить Маркизу достойную пару для визита в королевский дворец. Она была похожа на фотомоделль с обложки модного глянцевого журнала: розовое платье с золотыми кружевами и пушистый меховой воротничок. Это, наверное, горжетка, – решила Лиза. Хотя, что означает это слово, и от-

куда оно взялось у неё в мозгу, девочка не знала. Вьющиеся золотистые волосы, собранные на макушке в тугой узел, украшало тонкое блестящее колечко, которое торчало вверх из причёски подобно антенне на голове инопланетянина, какими их рисуют на смешных картинках.

Звали девушку Бижутерия Гламур или попросту – Бижу. Ближним друзьям она разрешала называть себя детским прозвищем – Бусинка. Бижу родилась в Индии, а точнее – на дне Индийского океана. В детстве она была розовой жемчужиной, а когда выросла – устроилась на работу в ювелирную мастерскую. Начинала карьеру рядовой бусинкой на простой жемчужной нитке, потом преуспела и поднялась к высотам дорогой подвески авторской работы. Злая судьба отнеслась к Бусинке жестоко. Во время очередного выхода в свет, крючок, который держал её за колечко на голове, сломался, и Бижу на несколько лет совсем потерялась, закатившись далеко под диван, пока после генеральной уборки не оказалась у Шурика в картонной коробке.

По другую сторону от самодельной печки сидел смешной толстенький человечек. Звали его Мастер Брегет, я о нём уже немного рассказал. Некоторые островитяне уважительно добавляли к его имени учёное звание – профессор. Хотя никто не слышал, чтобы он преподавал в каком-нибудь университете, да и сам он, скорее всего, там тоже никогда не учился.

До того, как попасть в коробку, Брегет много путешествовал, но никогда не изменял своей основной профессии –

показывать точное время. К сожалению, во время дальних странствий он не так уж много повидал, так как большую часть времени провёл в темноте карманов мужских брюк, пиджаков или старомодных жилеток.

Брегет был карманными часами в круглом стальном корпусе с крышкой на животе и длинной цепочкой, прикреплённой сверху к заводному колёсику. Возможно, что это колёсико, похожее на старинную профессорскую шапочку, и породило легенду о его принадлежности к научному миру. Мастер ни с кем не обсуждал этот вопрос, никогда не снимал шапочку с головы, а когда задумывался на серьёзные темы, крутил её рукой из стороны в сторону. При этом соседи могли слышать негромкое пощёлкивание, как будто заводится механизм. Но пружина в глубине организма Мастера Брегета давно уже сломалась, и стрелки на груди навсегда застыли в положении без десяти минут два. Кроме того, в последнее время стал барахлить замочек, которым запиралась круглая крышка на животе, и при ходьбе он иногда расстёгивался. Крышка неожиданно открывалась, и Мастеру приходилось придерживать её руками или для надёжности даже обматывать цепочкой. Мало кто знал, что на внутренней стороне крышки у него имеется игривая надпись «Моему дорогому Пусику от его любимой Кошечки». Брегет стеснялся гравировки, сделанной в молодости, считал её вершиной пошлости и прятал от посторонних глаз.

Последнего человечка в этой небольшой компании около

печки Лиза заметила не сразу. Может быть потому, что он был очень худой, а правильнее сказать, – очень худая скромно одетая женщина. Из-под длинной клетчатой юбки, какие в Шотландии обычно носят мужчины, виднелись высокие старомодные сапоги со шнуровкой. Приталенный твидовый пиджак ещё сильнее подчёркивал её худобу. Косметикой женщина никогда не пользовалась, и в её одежде не было заметно никаких украшений, если не считать украшением большую треугольную пиратскую шляпу из чёрного бархата, отороченную по краю гладкой серебряной лентой. Концы ленты скрепляла старинная бронзовая кокарда с выпуклым рисунком: морской канат связывал между собой королевскую корону, якорь и лавровый венок.

Трудно предположить, капитан какого корабля мог носить такую шляпу, но женщине она была очень к лицу. И не удивительно. Обладательница чёрной треуголки сама когда-то была шляпной булавкой. С её помощью истинные английские леди прикрепляли элегантные головные уборы к своим пышным причёскам. А в случае опасности использовали булавку в качестве холодного оружия: кололи противника как кинжалом.

Худая дама считала себя настоящей англичанкой и подойдя к Лизе сказала:

– Меня зовут миссис Пин. Присцилла Пин. Но ты, милочка, можешь называть меня как все без церемоний по-простому – Циля.

Она протянула руку и крепко по-мужски пожала слабую тряпичную ладошку.

– Проходи к печке. Сейчас будем кофе пить. Ты любишь кофе?

– Не знаю, — ответила Лиза. — Я его никогда не пробовала...

– У нас отличный кофе. Из корня одуванчика, — пояснила Циля и, повернувшись к Ножiku, спросила:

– Дружище, Ножик, где ты нашёл это прелестное дитя?

– Это Лиза. Она принцесса, прилетела на воздушном шаре и запуталась в кустах.

– И это всё, что ты о ней знаешь? — спросила Бижу.

– Всё... Я думаю, что она вам сама о себе расскажет.

Пока варился кофе Лиза успела повторить свой короткий рассказ, который Ножик уже слышал по дороге в Бытовку.

Глава 3. Нам поможет машинка времени

1

– Печальная история, – сказала Циля, когда Лиза закончила рассказ. – Я никогда не доверяла воздушным шарам, да и другим летательным аппаратам. С ними всегда что-нибудь может приключиться неожиданное... Добавки хочешь? – Она протянула девочке кофейник.

– Нет, спасибо, – ответила Лиза. Горький коричневый напиток ей не очень понравился.

– А ещё чего-нибудь хочешь? Спрашивай. Не стесняйся.

– Я домой хочу. К Маше...

Циля ничего не ответила, только глубоко вздохнула. Ей было жалко маленькую девочку, столь необычным образом оказавшуюся на Острове. При первой возможности она обязательно помогла бы ей, но не знала, как это сделать.

Остальные человечки тоже молчали, уткнувшись в свои чашки. Пауза затянулась...

Такое иногда случается на сцене любительского театра, когда главный герой пьесы плохо выучил текст и забыл, какую реплику должен сейчас произнести, а остальные актёры

замерли и мучительно решают, как выкрутиться из затруднительного положения, чтобы зрители ничего не заметили.

Молчание нарушил Маркиз.

– Видите-ли, мадмуазель, – сказал он, зажав тёплую чашку между ладонями, как будто у него замёрзли пальцы. – Очень не хочется вас огорчать, но с Острова нет выхода. – Он поставил чашку на пол перед собой и обречённо развёл руки в стороны. – По крайней мере, мы об этом ничего не знаем. Насколько нам известно, ещё никто отсюда не уходил.

– Да-да... Никто-никто... – вразнобой заговорили человечки, кивая головами.

– Хотя... – продолжил Маркиз. – Никто, как мне кажется, и не пытался этого сделать. Остров – это наш дом. Здесь всё привычно и понятно, а там – за кустами – неизвестно что. Может быть там и разумной жизни нет.

– Очень даже есть, – сказала Лиза. – Я же оттуда прилетела.

– Ну, конечно, оттуда, – согласился Маркиз. – Но на шарике. По воздуху. А как без шарика? Я не знаю. Здесь кругом непроходимые заросли и болота.

– Я слышал рассказ одного путешественника, – сказал Брегет. – Его, кажется, звали Бублик.

– Ролик, – уточнил Ножик.

– Точно! Ролик! Кругленький такой. Так вот, этот Ролик исколесил весь Остров и рассказывал, что по земле нигде прохода нет: или колючие заросли, как за нашей Бытовкой,

или болотная трясина в канавах. А с одной стороны вообще каменная стена до неба, неизвестно кем построенная. Ещё до древних людей.

– И что? Никто никогда не хотел посмотреть, что там – за этой стеной? – спросила Лиза.

– Я бы хотела, – сказала Бижу. – Но меня там никто не ждёт. Я там никому не нужна...

– Да, – подтвердил Маркиз. – Мы там не нужны. Нас выбросили...

– Не выбросили, а забыли, – возразила Бижу. – Это большая разница.

– Ну, забыли. Если тебе от этого легче.

Все снова замолчали и грустно уставились в свои чашки.

2

Кофе остыл. Стало тихо. В печке потрескивали догорающие угольки, а в другом конце Бытовки, где жили мастера-вые, позвякивали железки.

Мастеровые уже давно проснулись, позавтракали и принялись за работу. Они не любили лишних разговоров про то, где лучше, а где хуже. Они всегда жили и работали в Бытовке, считали её своим родным домом и никуда не собирались отсюда уходить. Ну, если только на временные работы – ремонт дорог или уборка мусора.

Учёные, которые исследуют человеческое сообщество, любят разделять людей на группы и классы: бедные и богатые, городские и сельские, консерваторы и либералы. Если бы такой учёный оказался на Острове, то он наверняка определил, что мастеровые принадлежали к многочисленному классу рабочих инструментов, который в свою очередь делится на более мелкие социальные группы. Некоторые, как например Стамеска и Ножницы, обладали высокой квалификацией и специализировались в особо точных работах. Другие, вроде Молотка и Топора, были попроще. Но основную массу трудового народа составляли необученные подмастерья и чернорабочие: разной величины гвозди, шурупы, болты и гайки. У большинства из них и имён то собственных не было, в лучшем случае – номера. А самые никудышные

откликались на слова типа «эй ты, фиговина, ну-ка иди сюда – поддержи-ка эту штуку».

В дальнем углу на полу бытовки обитали садовые человечки. Во времена древних людей они были лопатами, граблями и другими приспособлениями для обработки земли. С мастеровыми садовые старались жить дружно и не сорились, часто помогали друг другу в работе. Но некоторое слабо уловимое для постороннего глаза различие между ними всё-таки существовало. Мастеровые считали садовых примитивными, и между собой обзывали «деревенщиной», а те в свою очередь гордились простым происхождением, заявляли, что твёрдо стоят на земле и честно добывают хлеб насущный тяжёлым трудом. Бригадир садовых – Большой Бур, поучая молодых, так прямо и говорил: «Мы – садовые – основа жизни на Острове. Мы – базис, а они все – надстройка». Какой смысл содержится в этих красивых словах, Бур не понимал, но хорошо их выучил, пока лежал долгой зимой в углу, смазанный машинным маслом и завернутый в старую газету «Правда».

3

Тишину нарушила Лиза.

– Почему забыли? Меня не забыли! – сказала она. – Я сама улетела. А если я один раз улетела, значит смогу и в другой раз улететь!

– На чём? – возразил Ножик. – Твоего шарика больше нет. И другого шарика у нас тоже нет.

– Где-то же он есть? – не сдавалась Лиза. – Может быть, он не очень далеко улетел. Может быть, он снова за колючки зацепился... Надо просто пойти и поискать.

– Даже если мы его найдём, что толку? Он тебя и так еле-еле поднимал. А теперь, наверное, совсем сдулся.

– Но попробовать-то можно? Маша меня, наверное, по всему лесу ищет.

– Никто тебя, дорогуша, не ищет, – сказала Бижу, поправляя меховой воротничок. – Не обольщайся. Никому ты теперь не нужна. Я сама несколько раз терялась. Вначале немного поищут, а потом – забудут. Хорошо, если какой-нибудь порядочный человек подберёт. А то закатаешься в трещину куда-нибудь под комод, где и пыль-то никогда не вытирают, и поминай как звали. И будешь там весь век в девках куковать с мышами и тараканами.

Лиза не поняла, как это «куковать в девках», но по выражению лица Бусинки догадалась, что ничего хорошего в

этом занятии нет.

– Кстати о мышах, – задумчиво сказал Мастер Брегет и покрутил колёсико на голове. – Я думаю, есть один способ... Если шарик не поможет...

Все посмотрели на него.

Он ещё раз крутнул колёсико и прищурился, как будто настраивал резкость, чтобы, заглянуть внутрь себя поглубже и лучше рассмотреть ту часть мозга, которая отвечает за воспоминания. Потом, собравшись с мыслями, решительно захлопнул круглую крышку на животе и сказал:

– В эпоху древних людей, когда я ещё с вами со всеми не был знаком, я некоторое время проживал в нижнем ящике старого письменного стола. Ну того, который стоит в Коттедже. В углу. Около окна. Заваленный всякими ненужными вещами.

Он посмотрел на слушателей, ожидая что они, как это часто бывает между старыми друзьями, примутся наперебой говорить: «Ну конечно, кто же не знает этот письменный стол. У него ещё одна ножка сломана и дверка поцарапана. Знаем, конечно, как не знать». Но никто не откликнулся.

– Ну ладно, – продолжил Мастер, не дождавшись ни подтверждения, ни одобрения своим словам, – это в общем-то к делу не относится. Так вот, однажды ко мне в ящик забрался Мыш...

– Забралась, – поправила его Циля.

– Что? – не понял Мастер.

– Забралась. Мышь – это она. Слово женского рода с мягким знаком на конце.

Мастер задумался, вспоминая правила грамматики, и не найдя что возразить продолжил:

– Это в данном случае не столь важно. Мой Мыш был самого что ни на есть мужского рода. Его звали – Мыш Шан Вей. Это по-китайски – означает толи великая гора, толи горное величие. О себе он говорил, что попал на Остров случайно, в чемодане одного нашего космического инженера, который ездил в Китай для обмена опытом. До этого случая Шан Вей много лет прожил в тибетском монастыре, где обучался древним премудростям и где познал природу пространства и времени.

– Как интересно, – сказала Бижу. – Ты нам этого раньше не рассказывал. Я просто обожаю всё восточное. Оно напоминает мне о детстве. Брег, дай слово, если мы когда-нибудь попадём в Коттедж, ты меня с этим Мышом познакомишь.

– Хорошо, – согласился Мастер. – Если монастырские правила не запрещают ему общаться с женщинами. Особенно с такими красивыми как ты, Бусинка.

Бижу приятно улыбнулась, а Брегет продолжил:

– Вы, я надеюсь, согласитесь с тем, что я кое-что смыслю в вопросах времени. Но знания мои несколько, так сказать, механистичны. Я больше практик, чем теоретик. А в лице Шан Вейя я встретил подлинного мыслителя и философа. За долгие часы наших бесед, – а он, скажу без ложной скромно-

сти, нуждался в образованном собеседнике, – Мыш открыл для меня некоторые неизвестные мне дотоле вопросы физики времени. В частности, он рассказал о возможности путешествий в будущее и в прошлое.

– Фантастика, – скептически заметила миссис Пин. – Путешествия во времени не возможны. Уж поверьте мне. Я много всего на свете повидала. Но это полная ерунда.

– Циля, не перебивай, пожалуйста. Ты всегда против всего выступаешь, – попросил Маркиз. – Мастер очень интересно рассказывает. Это же научная теория. Против неё нет никакого смысла бунтовать – это же не правительство. Продолжай, Брег. Мы тебя слушаем.

Присцилла ничего не ответила и с гордо поднятой головой уселась на своё место, а Мастер продолжил:

– Так вот... Шан Вей сказал мне, что в Коттедже на кухне стоит настоящая машинка времени, замаскированная для секретности под... – здесь он понизил голос, как будто опасался, что его подслушивают, – под обычную стиральную машинку... И узнал он об этом ни от какого-нибудь шарлатана, которых в Коттедже полным-полно, а из настоящей технической документации. Прожив долгую жизнь среди людей в разных странах, наблюдательный Мыш заметил, что люди никогда не читают инструкции к той технике, которую покупают. И поэтому они никогда не используют возможности своих приборов на полную мощность. Пояснив мне это, Шан Вей достал листок, который вырвал из документации к сти-

ральной машинке, и подарил мне. Он очень уважал меня как специалиста в вопросах учёта времени. Вот этот листок. Я сохранил его на память о наших научных дискуссиях.

Сказав это, Брегет сунул руку под крышку и вытащил оттуда сложенный в несколько раз лист. Развернув и разгладив его на своём твёрдом животе, он поднёс бумагу ближе к свету и прочитал:

– «В современном мире, где все несётся с сумасшедшей скоростью, бывает сложно выкроить минутку даже для любимых дел, а уж тратить время на наведение порядка и вовсе преступление. Именно поэтому наша стиральная машина «Чистюля ЛД-1154» становится спасительной машинкой времени. Благодаря целому спектру функций она вернёт ваши любимые вещи в первоначальное состояние».

Он с торжеством посмотрел на друзей.

– Обычная рекламная болтовня, – сказала Циля. – Что тут такого? Где тут выдающаяся мышьяная философия?

– Как где? – воскликнул Мастер.

Он вскочил на ноги и замахал руками. Крышка на животе распахнулась, и Лизе показалось, что стрелки на его груди зашевелились и сдвинулись со своих привычных мест.

– А вот! – закричал он и ткнул пальцем в бумагу. – Вот!!!
Читай, что здесь написано?! «Становится спасительной машинкой времени». Чего тут непонятного. А вот – «вернёт любимые вещи в первоначальное состояние»! Это, между прочим, документ. Официальная инструкция по эксплуата-

ции, а не какая-то филькина грамота!

Циля молчала, не зная, что возразить на столь очевидный факт.

– И что ты, Брег, предлагаешь? – спросил Ножик.

– Всё очень просто, – ответил Мастер, постепенно успокаиваясь. – Мы отводим Лизу в Коттедж. Сажаем в машинку времени и... отправляем в прошлое, с интервалом в одни сутки, считая от текущего момента. То есть, как тут сказано, возвращаем в первоначальное состояние. Лиза попадает в руки к Маше и делает всё, чтобы не быть снова привязанной к шарику.

– У тебя всё просто, – ехидно сказала Циля. – Конечно, чего ещё проще – отвести Лизу в Коттедж. А кто туда вообще собирался идти?

– Для благородного дела можно и сходить, – сказал Маркиз. – Нельзя же человека оставлять в беде.

– А ты хоть знаешь, где этот Коттедж находится?

– А что тут знать? Все знают. У него на крыше телевизионная антенна. Она приделана к печной трубе. А верхушку антенны даже отсюда видно.

– Ладно, – не сдавалась Циля. – А сколько времени туда идти?

– Откуда я знаю.

– Пойдём и проверим, – сказал Мастер.

– Ну, конечно, чего проще. Пойдём и проверим. И это нам говорит специалист по учёту времени, – Циля не знала, что

ещё возразить и замолчала.

– Если нельзя улететь на шарике, то я сама пойду искать машинку времени, — сказала Лиза. — Дайте мне только эту инструкцию.

– Я с тобой, — сказал Ножик. — Я тебя нашёл, я тебя и назад отправлю.

– А что? — сказала Бижу. — Почему бы и мне не сходить в Коттедж. Давненько я в приличном обществе не бывала. Сижу тут в деревне с мужиками садовыми и не знаю даже, чего в этом сезоне носят, какие тенденции в современной моде... Короче, я с вами.

– Я тоже с вами, — сказал Маркиз. — Думаю два смелых рыцаря надёжнее защитят прекрасную принцессу, чем один. Мало ли что в пути может случиться.

– Молодец, Флакон, я всегда в тебя верил, — похвалил его Ножик и хлопнул по плечу. Раздался приятный хрустальный звон.

– Ну а без меня вам точно не обойтись. Я один знаю Шан Вея, — сказал Брег и принялся застёгивать непослушный замочек на животе, как будто готов был отправиться в дальнюю дорогу прямо сейчас.

Все посмотрели на миссис Пин.

– Вы что на меня так смотрите? — спросила Циля обиженно. — Может вы считаете, что я испугалась? А ещё друзьями называются. Присцилла Пин никогда не отступала перед опасностями! Ни на суше, ни на море! Да я, если хоти-

те знать, у самого капитана Джонсона служила застёжкой на бушлате, когда у него во время шторма оторвались все пуговицы. Мы тогда шли Северным морем с полными трюмами мороженой трески, – добавила она для убедительности.

Миссис Пин посмотрела на слушателей, ожидая одобрительных возгласов. Но никто из них не знал капитана Джонсона и плохо представлял силу штормового ветра, способного оборвать все пуговицы с морского бушлата.

– Да что с вами говорить, салаги. – Циля разочарованно махнула рукой. – Разве вы без меня доберётесь до Коттеджа.

– Отлично. Значит идём все, – подвёл итог Ножик.

Глава 4. Душевная клумба

1

Лиза вышла из Бытовки на крыльцо, поднялась на цыпочки и посмотрела туда, куда показал Мастер Брегет. Вдалеке за высокой травой она разглядела на фоне чистого голубого неба тоненький чёрный контур покосившейся телевизионной антенны. Мастер сказал, что, если сохранилась антенна, значит сохранилась и крыша с печной трубой. А на всём Острове есть только одна постройка, где у древних людей была печка и телевизор, – это Коттедж.

В старые времена Бытовку и Коттедж соединяла пешеходная дорожка. Но, когда дачники покинули Остров, квадратные бетонные плитки, которыми она была вымощена, куда-то пропали. Кто и зачем их утащил человечки не знали. исчезновение дорожки произошло ещё до того, как они выбрались из своей коробки. На том месте, где раньше лежали плитки, остался только слой плотно утрамбованного жёлтого песка и мелкого щебня. За несколько лет сквозь песок проросла зелёная трава, и только узенькая тропинка, протоптанная мастерами, напоминала, что здесь в старину пролегла широкая дорога от калитки к центральным районам Острова.

Мастеровые иногда ходили по этой тропинке в Коттедж. Тамошние жители приглашали их, когда нужно было что-нибудь разломать-построить, выкопать-закопать или выполнить другую тяжёлую и грязную работу. Мастеровые называли такие приглашения выгодными заказами. Про машинку времени они ничего сказать не могли. Дальше порога их обычно не пускали, а сами они мало интересовались тем, что происходит внутри Коттеджа.

– Главное, чтобы платили вовремя, – пояснил Топор. – А остальное нас не касается.

2

Как бы там ни было, но решение о походе принято единогласно, и после недолгих сборов маленький отряд двинулся в путь.

Солнце поднялось в зенит, когда тропинка, петляющая в высокой траве, привела наших друзей в удивительно красивое место. Жалко, что путешественники не могли подняться в воздух и осмотреть его сверху. А то они увидели бы идеально круглую цветочную клумбу непонятно как сохранившуюся в окружении буйных сорняков. Цепочка красных кирпичей, вкопанных под углом, образовала низенький заборчик, отгораживающий плодородную почву цветника от дикой природы. Несколько кирпичей в ограждении потрескались и развалились на мелкие кусочки, открывая проход в самую середину клумбы.

Справа и слева от тропинки покачивались на длинных стебельках гигантские цветы. Они переливались яркими красками и наполняли тёплый воздух благоуханием. Аккуратными кучками вдоль дорожки лежали засохшие листья и веточки. Тоненькие и слабые растения подпирали специальные палочки-рогульки. За клумбой явно кто-то постоянно и заботливо ухаживал.

Догадка подтвердилась, когда путники увидели впереди на тропинке человечка. Он стоял к ним спиной и размахивал

руками. Повинуясь его указаниям, несколько полосатых пчёл перелетали с цветка на цветок – собирали нектар в маленькие серебряные ведёрки. Чувствовалось, что он на этой клумбе хозяин и главный садовник.

Хотя, для садовника незнакомец был одет несколько странно. Тёмно-коричневый балахон с капюшоном болтался на нём как на вешалке и опускался почти до самой земли так, что невозможно было разглядеть: есть ли у человечка ноги, и во что они обуты. Когда он опускал руки, пухлые пальцы скрывались в длинных широких рукавах. Толстая верёвка, заменявшая пояс, несколько раз обматывала его фигуру выше талии, почти подмышками, выставляя напоказ круглый животик. От этого длинный подол балахона раздувался в стороны, напоминая формой колокольчик. На голове у человечка ничего не было, даже волос. А сама голова, вытянутая вверх, походила на круглую деревянную ручку. Хотелось ухватиться за неё и зазвонить во всю силу, как на школьном празднике последнего звонка. Похоже, что в прошлом своём состоянии он и был школьным колокольчиком.

– Рад приветствовать достопочтенных путешественников в нашей скромной обители, – поздоровался незнакомец и, как бы подтверждая своё колокольное прошлое, хорошо поставленным голосом пропел:

Динь-динь-дон, – звенит ведёрко.

Жу-жу-жу, – гудит пчела.

*Чтоб у нашего народа
Жизнь счастливая была.*

При этом он поклонился так низко, что капюшон со спины упал ему на голову. Все поздоровались, а Бижу даже присела в реверансе, подхватив руками края своей кружевной юбочки.

– Я брат Бутон, – представился человек и выпрямился.

– Чей брат? – спросил Ножик.

– Ни чей. Вообще брат. Смиранный монах здешней обители расцвета и увядания.

– Понятно, – сказал Ножик. – А где эта ваша обитель?

Что-то не видно.

– Вот, – брат Бутон скромно опустил глаза и широким жестом развёл руки в стороны. – Она здесь... Она везде... Везде, где есть цветение цветов чудесных и созревание плодов полезных.

– А я думала, что обитель – это такой большой дом? – сказала Циля.

– Нам дом не нужен. Дом – сооружение сугубо материальное, а наша обитель обращена исключительно к духовному. Вдохните благословенный дух сего места, и просветление снизойдёт на ваши головы.

Все глубоко вдохнули.

– Ну как? Чувствуете? – спросил брат Бутон с надеждой в голосе.

– Вкусно пахнет, – сказала Лиза.

– На то она и клумба, чтобы вкусно пахла. Я и не знала, что около нашей бытовки есть такая красота, – сказала Бижу.

– Это для непосвящённых – клумба, – с едва уловимой обидой сказал монах. – А для истинно вкусивших её плодов и ароматов – обитель познания.

– Чего познания? – спросил Ножик.

– Высочайшего таинства всемирного цветения духа и увядания плоти.

– Мудрёно, – сказала Циля и ухмыльнулась.

– Это потому, что вы ещё не приобщились. – Брат Бутон сложил ручки на животе и поднял глаза к небу. – Взгляните на этих скромных полосатых тружеников. – Несколько пчёллок жужжали и кружились над его головой. – Они глубоко прониклись духом нашей обители и теперь собирают во благо её чудодейственный нектар.

Лиза внимательно присмотрелась к пчёлкам и с удивлением заметила, что серебряные ведёрки были привязаны у них разноцветными лентами прямо к животу.

– А куда они нектар девают? – спросила девочка.

– Сдают на благие дела, – уклончиво ответил брат Бутон.

– Какие благие?

– Разные... Непосвящённым это трудно объяснить.

Лиза ничего не поняла и решила: в такой ситуации, чтобы не показаться душой, лучше будет промолчать. Остальные тоже молчали, каждый по-своему обдумывая слова монаха.

Тишину нарушали только шелест лепестков, жужжание прозрачных крыльев и серебряное позвякивание над головой.

3

– Какой чудесный аромат. Какие чудесные цветочки, – сказал Маркиз, у которого необычно широко открылись глаза и задрожали кончики пальцев. Он подошёл к красному махровому маку и со свистом втянул носом воздух.

– Чувствуете благодать? – спросил брат Бутон. – Чувствуете, как силы цветения проникают в вас?

– Чувствую! – радостно закричал Маркиз, чем сильно удивил друзей. Они никогда ещё не видели своего благородного друга таким возбуждённым. – Это бесподобно! Божественный аромат! Я не нюхал ничего подобного с тех пор, как полностью опустел.

– О, боги цветения и увядания, благодарю вас. Он приобщается! Новый брат наш идёт к вам навстречу, – прокричал брат Бутон и воздел руки к небесам. Широкие рукава балахона сползли почти до самых плеч, открыв бледные плохо приспособленными к физическому труду мышцы.

Полосатые пчёлки перестали собирать нектар и устроили хоровод над его головой, размахивая ведёрками. Лизе почудилось, что над лысиной монаха завертелось и зазвенело блестящее колечко.

Маркиз подбежал к розовому пиону и сунул голову в самую середину большого лохматого цветка. Было слышно, как он дышит со свистом втягивая в себя цветочный аро-

мат. Надышавшись, Флакон перескочил на другую сторону дорожки и встал на колени перед фиолетовым кустиком аютиных глазок. Его голова раскачивалась из стороны в сторону, а губы сложились в глупую улыбку. Благородный Маркиз терял человеческий облик прямо на глазах.

Довольно быстро настроение поменялась. Выражения тихой радости на его лице исказила маска глубокого страдания. Лиза никогда не была в театре и не видела ни одной древнегреческой пьесы. Поэтому она не могла по достоинству оценить драматических преобразований, происходящих с обликом Флакона. Кроме того, она ещё очень мало знала своего нового друга. Но и старые друзья были поражены до глубины души. Они и не подозревали, что в пустом Пузырьке скрывались такие выдающиеся актёрские способности.

Подобно герою античной трагедии Маркиз стал вполоборота к публике, поднял голову так, что его подбородок выровнялся параллельно земле, и заломив над головой руки принялся громко нараспев декламировать:

– Кто никогда не жил духовной жизнью, тот не поймёт страдания мои. Я раньше полон был чудесным эликсиром. Я нужен был кумиру моему. Прекрасным утром, выбрив гладко щёки, он смазывал их жидкостью пахучей, преображая мир вокруг себя... Но ничего не вечно под луной! Пришла пора – я полностью иссяк... Жестокая рука уборщицы сварливой не бросила меня в помойное ведро и не разбила в мелкие осколки. Она придумала мне наказание похуже – отпра-

вила в пожизненную ссылку, в фанерную тюрьму хозяйской спальни... На верхней полке бельевого шкафа среди простыней и наволочек белых страдал я в тёмной духоте и вспоминал... Да, были годы молодые, когда под горлышко залит одеколоном, блистал и я в лучах от ламп люминесцентных в витрине парфюмерного магазина... – При этих словах Маркиз как подстреленная на лету птица нервно всплеснул руками-крыльями, бросил их вниз, склонил голову набок и громко зарыдал. Но через мгновение он выпрямился. На лице сияла счастливая улыбка, голос наполнился хрустальным звоном. – И вот настал мой час! Я снова окружён кольцом чудесных запахов и чудных ароматов! И никуда отсюда не уйду!!!

Все смотрели на Маркиза и ничего не понимали. Даже брат Бутон, по-видимому, был удивлён небывало мощной силой, которой его обитель воздействовала на неокрепшую душу.

Закончив декламацию стихов, Маркиз снова принялся бегать от цветка к цветку, тыкался как щенок носом в ароматные венчики и с шумом втягивал воздух. Казалось, ещё немного и он как пылесос начнёт засасывать внутрь себя цветы целиком вместе с разноцветными лепестками, пестиками и тычинками. Некоторые бутоны росли высоко, и Маркиз не мог до них дотянуться. Тогда он подпрыгивал, обхватывал стебель руками и ногами, пытаясь силой собственного веса пригнуть растение к земле. Упрямые стебли сопротивлялись

как могли, выгибались, раскачивались и наконец стряхивали неожиданного поклонника на землю. Маркиз падал, но, не обращая внимания на ушибы, грязь и клубы пыли, тут же вскакивал на ноги и бежал к следующему цветку. Через несколько минут его белоснежный смокинг покрылся жёлтыми пятнами липкой цветочной пыльцы.

– Узрите чудо! – воскликнул брат Бутон и указал толстым пальцем на Маркиза. – Он почти уже приобщился! Ещё немного и наш новообретённый брат полной мерой познает радость пребывания в обители расцвета и увядания. И останется с нами навеки!

– По-моему, ему плохо, – сказала Лиза.

С Пузырьком опять происходило что-то странное. Его лицо побледнело, зрачки глаз сдвинулись в сторону переносицы, как будто он пытался рассмотреть маленький прыщик, вскочивший на кончике носа, но не мог сфокусировать зрение. Руки безвольными верёвочками повисли вдоль туловища. Ноги в идеально отутюженных брюках подогнулись, и Маркиз рухнул в траву.

– Свершилось! – закричал брат Бутон. В его голосе слышался торжественный перезвон бронзовых колоколов. – Наш новый брат наполнился до краёв духом цветения, и Душевная клумба обители приняла его на свою плодородную грудь!

– А по-моему, наш Пузырёк отравился, — сказала Бижу.

– Однозначно. Явные признаки наркотической интокси-

кации, – подтвердил Мастер Брегет, он любил точные научные формулировки. – Надо его вывести на свежий воздух и сделать промывание внутренних органов.

– Хватайте крепче и быстрее тащите его отсюда! – крикнула Циля. – А с тобой, братец Бутончик, я ещё поговорю на обратном пути. Хочу разобраться, что это за наркопритон ты тут организовал под видом религиозной секты! – И она погрозила монаху кулаком.

Ножик и Мастер обхватили Маркиза с двух сторон и побежали вперёд. Обессиленный Флакон повис у них на руках. Ноги его подогнулись и почти касались коленками земли. Носки лакированных ботинок оставляли на песчаной дорожке две неровные борозды. Маркиз что-то неразборчиво булькал себе под нос. Когда перелезали через ограждение клумбы, белоснежный смокинг растянулся, и Флакон процарапал плоским животом по острому кирпичному обломку. Раздался противный скрежет, какой бывает, если провести камнем по стеклу. От ужасного звука и глубокой царапины Маркиз немного пришёл в себя, выпрямил ноги и, оттолкнув в стороны друзей, пробежал несколько шагов сам. Отчаянный рывок лишил его последних сил, и он повалился в траву.

Ни слова не говоря, Циля двумя руками схватила золотой ободок на голове Маркиза. Уверенным резким движением она крутнула его против часовой стрелки: так рулевой военного корабля крутит штурвал, чтобы уклониться от вражеской торпеды. Серебряная пробка отвинтилась, и из открыв-

шегоя горлышка со свистом вылетела мощная струя тёплого ароматного воздуха. Циля достала из сумки бутылку воды, которую предусмотрительно захватила, уходя из дома, и вылила её целиком в круглое отверстие.

Затем Ножик и Мастер принялись трясти и раскачивать Флакона из стороны в сторону. Через стеклянную грудь было видно, как у него внутри пенится и булькает жидкость, переливаясь всеми цветами радуги.

Маркиз застонал и постепенно начал возвращаться в своё нормальное состояние. Промывание внутренностей ему явно помогло. Тогда Ножик с Мастером поднатужились и перевернули его вверх ногами. Пенистая ароматная жидкость полилась из горлышка на землю.

– Ну всё! Хватит... Хватит... – закричал Маркиз. – Я уже в порядке. Отпустите меня!

– Очухался, голубчик, – сказала Циля и хлопнула в ладоши. – Ставьте его на ноги. Раз-два!

Лёгкий тёплый ветерок приятно обдувал серебряную голову Флакона, быстро приводя его в нормальное состояние.

– Да ты, Марик, оказывается, – у нас алкоголик. Я бы даже сказала, наркоман, – усмехнулась Бижу.

– Я не наркоман, – обиделся Маркиз. – Я просто душевно нестойкий. Не могу устоять перед прекрасным. Испытываю слабость к хорошим запахам. Это у меня врождённое. Да и вообще я люблю красивые вещи. А что, разве это плохо? Вот ты, Бижу, тоже любишь всё красивое.

Бусинка улыбнулась и покачала головой.

– Да все вы любите хорошие вещи, – начал оправдываться Маркиз, отряхивая смокинг от жёлтой цветочной пыли и серой дорожной пыли, – только сказать стесняетесь, чтобы над вами не смеялись. Вот и ты, Ножик, с виду такой правильный, а сам тоже мечтаешь о чём-нибудь таком красивеньком. Что скажешь? Я не прав?

Ножик не знал, что ответить, и неопределённо пожал плечами. В древние времена он был обычным складным ножом и по призванию простым рядовым солдатом, но в глубине души, если закрыть глаза, Ножик хотел бы быть похожим на швейцарский армейский нож с красной пластиковой рукояткой и маленьким стальным крестиком на боку. И уж совсем недостижимая мечта – поступить на службу в швейцарскую гвардию, которая охраняет Папу Римского, и носить красивую средневековую полосатую униформу.

– Да прав ты, прав. Успокойся, – ответила вместо Ножики Бижу. – Всё нормально. Не переживай. У каждого из нас есть свои маленькие недостатки. Главное – голову от этого не терять и в небесах не парить. Сверху очень больно падать... Правильно я говорю, принцесса?

Лиза не ожидала, что её о чём-то спросят, смутилась и молча кивнула головой.

– Я думаю – пора дальше двигаться, – предложил Мастер.

– А можно я вперёд пойду? – жалобно попросил Маркиз. – Мне нужно внутренности проветрить.

Он стряхнул остатки пыли, застегнул смокинг на все пуговицы, протёр носовым платком лакированные ботинки и, к удивлению Лизы, снова стал таким же элегантным джентльменом, каким она увидела его в первый раз сегодня утром. Только серебряную пробку с золотым ободком он нёс, зажав подмышкой, и медленнее обычного переставлял ноги. Друзья цепочкой потянулись за ним по узкой тропинке. Последними шли Лиза и Бижу.

– Я и представить себе не могла, что наш Пузырёк такой красавист... Ну, в том смысле, что нестойкий до всего красивого. Ты согласна? – спросила Бусинка.

– Ага, – неуверенно ответила Лиза. Она ещё очень мало знала Маркиза, чтобы иметь какое-то мнение о его характере.

– Мне он что-то таких бурных знаков внимания не оказывал. А я, вроде бы, тоже не уродина... Ты согласна?

Лиза промолчала. Но Бiju совсем не интересовало мнение маленькой девочки, ей просто хотелось с кем-нибудь поговорить.

– Ты знаешь, лапочка, есть такое выражение: красота – страшная сила? Так вот, будь уверена, что это – истинная правда. Так оно и есть на самом деле. Я ведь до того, как угодить в нашу коробку, сама долгое время трудилась в индустрии красоты, – продолжила Бiju. – Ты, принцесса, хоть знаешь, что такое индустрия красоты?

– Нет, – честно ответила Лиза.

– Вот это, я тебе скажу, страшное, очень страшное место... Не дай бог тебе туда попасть.

– Красивое не может быть страшным.

– Зablуждаешься, дорогуша. Так все думают. Я тоже так в детстве думала. Я, можно сказать, и родилась-то в самом

прекрасном месте на земле...

Родилась Бусинка действительно в очень красивом месте, но не на земле, а под водой – в глубине Индийского океана. Бедный ныряльщик, всё имущество которого состояло из капроновой сетки и маски с поцарапанным стеклом, нашёл её в большой раковине на самом дне. На первый взгляд это была обычная жемчужина, только редкого розового цвета. Ныряльщик спрятал её в отдельный мешочек и вечером продал портовому скупщику на берегу. Полученных денег как раз хватило на ужин в деревенском кабачке. Скупщик положил её в коробочку к другим розовым жемчужинам и оптом продал купцу на рынке. Теперь он мог купить подросту сынишке новый велосипед. Купец разделил перламутровые шарики по размеру и оттенкам, выбрал из них самые красивые и выставил для продажи в своей лавке. С каждым разом цена жемчужины росла, но жизнь её от этого не становилась лучше. Только менялись мешочки и коробочки, в которых она лежала, тесно прижавшись боками к таким же безымянным красавицам.

Иногда незнакомые мужчины доставали жемчуг на свет, рассыпали на прилавке, перекачивали по гладкой деревянной доске и щупали толстыми волосатыми пальцами. Руки противно пахли табаком и жареной рыбой. Жемчужине это очень не нравилось. Она пыталась вырваться из липких пальцев и укатиться куда-нибудь подальше. Но её ловили и возвращали на место. Тогда она начинала думать о чём-ни-

будь хорошо: например, о том, как приятно было лежать на дне тёплого моря в мягких складках мамы-ракушки, и ей хотелось плакать. Но ласковой мамы больше не было в живых. Она погибла, разрезанная на две части острым ножом ныряльщика, а других родственников у жемчужины не было. Никто её не любил. Все смотрели на перламутровый шарик только как на товар, который можно выгодно продать или купить.

И покупатель наконец объявился.

Это был ювелир. Он приобрёл у купца несколько жемчужин розового цвета и просверлил в каждой из них дырочку. Вспоминая эту процедуру Бижу вздрагивала, как будто побывала на приёме у средневекового зубного врача с ручным сверлом вместо бормашины. Но ради лучшей жизни иногда приходится выдерживать и не такие мучения. Через дырочку ювелир продел нитку, и жемчужине показалось, что вот теперь-то её жизнь наладится. Теперь она уже не простой перламутровый шарик, теперь она – бусинка в настоящем ожерелье. И её социальный уровень значительно повысился. За один день она взлетела со дна общей деревянной коробки к персональному гвоздику на стене ювелирного магазинчика рядом с морским портом.

Поначалу такая жизнь Бижу очень понравилась: всегда светло, чистый воздух, много разных людей. Некоторые покупатели просили показать ожерелье поближе. Продавец снимал его с гвоздика и давал померить. В эти редкие счастли-

ливые моменты Бижу могла посмотреть на себя со стороны – в зеркало. Вон она – висит на ниточке восьмая с левой стороны. И как приятно пахнут духи этой красивой дамы. Вот бы она нас купила и всегда носила на своей прекрасной шейке... Но примерка заканчивалась, и продавец возвращал ожерелье на гвоздик: или цена высокая, или бусинки мелко-ваты, или ещё что-нибудь. Кто их разберёт, этих капризных дамочек.

– Через неделю такая жизнь показалась мне каторгой, – сказала Бижу.

– Почему? – удивилась Лиза.

– Понимаешь, внешняя привлекательность и высокое положение на гвоздике – это ещё не счастье. Ведь всё, что со мной случилось до этого, сделала ни я сама. Это другие люди сделали со мной. При этом они даже не попытались разглядеть мою индивидуальность, я уж не говорю про свою прекрасную душу. Для них я была и осталась навсегда круглым розовым шариком, одним из кучи других таких же шариков. Я как представляю себе, что могла всю жизнь повисеть на нитке под номером восемь с левой стороны... Мне аж дурно становится.

Но рано или поздно всё в жизни меняется.

Толстый турист из Европы купил ожерелье для своей толстой жены. По словам Бижу, жена была злая, некрасивая и в ширину превосходила своего муженька раза в два. Но самое страшное – она редко мыла шею. Каждый раз, выходя в свет,

Бусинке приходилось задерживать дыхание, чтобы её не вырвало от неприятного запаха.

К счастью для Бижу антисанитарные мучения продлились не долго.

После сытного обеда в модном итальянском ресторанчике толстяки решили для лучшего пищеварения пройтись вдоль по набережной и подготовить желудки для не менее сытного ужина. Разомлевшие на солнышке туристы сонно переставляли короткие толстые ножки в резиновых шлёпанцах. Сощутив и без того маленькие глазки, они сквозь дрему разглядывали витрины сувенирных магазинов. А жулики тем временем не дремали. Один из них – худенький паренёк на ободранном мопеде – ехал вдоль торговой улицы, ловко протискиваясь сквозь толпу пешеходов. Он высматривал сумку, которую можно было легко украсть. И он её нашёл.

Привлекательная сумочка висела на плече толстой хозяйки жемчужного ожерелья. Грабитель подъехал к ней вплотную так, что чуть не сбил передним колесом, схватил за длинную плетёную ручку и дёрнул. Красными ноготками женщина, как сова в кролика, вцепилась в сумку и не отпустила. Имея в несколько раз больше живого веса, она даже не двинулась с места. А вот щуплому воришке не повезло – он вылетел из седла и шлёпнулся на пыльную мостовую. Оставшийся без хозяина мопед ещё несколько метров сам по себе двигался вперёд, пытаясь удержать вертикальное положение, но без крепкой руки потерял ориентацию в пространстве, с

треском повалился на бок и затих, выпустив на прощанье облачко вонючего дыма из помятой выхлопной трубы.

– Мне показалось, что я смотрю замедленное кино, – сказала Бижу. – Прямо перед моим носом в воздухе висит бандит. Растопырился, как лягушка в прыжке, и грязными пальцами держится за дамскую сумочку. И так ему неудобно в этом летучем состоянии, что он машет второй рукой во все стороны и пытается ухватить что-нибудь твёрдое и надёжное. Но ничего твёрже, чем шея моей толстухи поблизости нет... И тут я вижу, что прямо ко мне приближается длинный кривой палец с чёрной полоской грязи под нестриженным ногтем. Он цепляется за нашу нитку и со всей силы дергает.

Раздался звонкий хлопок, нитка лопнула, и блестящие розовые шарики запрыгали по пыльной дороге. С тех пор Бижу больше уже не встречалась со своими соседками по жемчужному ожерелью. Чумазый перст судьбы с грязным ногтем разбросал их, в прямом смысле этого слова, в разные стороны.

Но Бусинке, можно сказать, повезло. Соскочив с ненавистой нитки, она перелетела через торговые палатки и упала в пластиковое корыто продавца морепродуктов. В корыте до краёв наполненном водой плавали ещё живые рыбины. Они только этим утром попались в рыбацкую сеть. Одна из них и проглотила жемчужину. Наверное, подумала, что это съедобная розовая горошина. А вечером того же дня на кух-

не модного портового ресторанчика шеф-повар потрошил эту рыбину по заказу уже знакомой нам семейки толстяков. Туристы были достаточно богатыми людьми, чтобы всерьёз расстраиваться из-за потери какого-то ожерелья и терять от этого аппетит...

Больше мы с ними не увидимся, а познакомимся с одной молодой девушкой.

Бижу так и не узнала как её зовут, но запомнила, что эта девушка мечтала поступить в художественную академию на факультет ювелирного искусства. Чтобы оплатить обучение, она подрабатывала в рыбном ресторане посудомойкой. В холодной куче скользких рыбьих внутренностей она случайно нашла Бусинку, отмыла и положила в карман.

Время, проведённое дома у девушки, Бижу вспоминала с удовольствием.

Её поселили в шкатулке из дерева, которое приятно пахло персиками. Здесь у жемчужины появилось много новых друзей: разноцветные бусинки необычных форм и размеров, старинные пуговицы, цепочки, блестящие камушки, оригинальные металлические штучки, по разным причинам утратившие связь со своими бывшими украшениями. И у каждого из них была своя сложная и интересная судьба.

– Если бы я записала всё, что они мне рассказывали, – говорила Бижу, – и выпустила отдельной книгой, то была бы давно уже модной писательницей и миллионершей. Ну, или получила бы главный приз на книжной выставке... К сожа-

лению, у меня не было ни бумаги, ни карандаша, да я, дура, и не сообразила тогда, что нужно записывать разные интересные истории. А теперь – и записывать-то нечего...

Бижу так и не узнала: накопила ли девушка достаточно денег, чтобы оплатить учёбу в художественной академии. Может быть, хозяин рыбного ресторана повысил ей зарплату в пять раз или, может быть, в Америке умерла богатая тётушка и оставила солидное наследство, а, может быть, девушка оказалась настолько талантливой, что её приняли в академию бесплатно. В любом случае, для нашей истории это не имеет никакого значения. Главное, что девушка закончила обучение с отличием и в качестве дипломной работы представила экзаменационной комиссии изящную коллекцию украшений из жемчуга.

Бижутерия Гламур играла в коллекции заметную роль. Она была частью кулона, который висел на длинной цепочке. Именно тогда Бижу и обзавелась кружевной юбочкой-оправой, пушистым воротничком и великолепной причёской. Бусинку немного смущала проволочка с кольцом, которую девушка продела через дырочку на макушке, но постепенно она к ней привыкла и перестала замечать. Теперь она уже не была рядовой бусинкой номер восемь с левого края. Она оказалась в центре всеобщего внимания и получила возможность продемонстрировать свою уникальность в глубоком декольте красивого бального платья.

Вершиной карьеры Бижу была свадьба. Не её, конечно,

свадьба, а свадьба бесподобно красивой невесты. На этом мероприятии Бусинка работала в команде по имиджу. Тогда впервые фото Бижутерии Гламур попало на обложку глянцевого журнала. Молодая семья поселилась в Москве. Во время медового месяца состоялось ещё несколько заметных выходов в высшее общество: на Новый год, в театр и на чей-то день рождения в ресторан, где она едва не потерялась, когда во время быстрого танца порвалась цепочка.

– Да... – сказала Бижу задумчиво, – хорошее было времечко... Но должна тебя, Лизавета, предупредить: держись ты от этой блестящей мишуры подальше.

– Почему? – спросила Лиза.

– В глянцевом мире всё непрочно и быстротечно. Мода на безделушки приходит и уходит. Связи, которые казались вечными, рвутся в одно мгновение.

Мода на кулоны с жемчугом и пёрышками прошла, к тому же пёрышки со временем утратили первоначальную пушистость, и Бижу отправили на покой – в тесную картонную коробочку, оклеенную бархатной бумагой. Здесь-то её и нашла маленькая девочка. Кто была эта девочка, и как к ней в руки попала бархатная коробочка, Бижу так и не узнала. Она прожила у неё не долго. Девочка выменяла красивую штучку на пластмассовую бабочку-заколку... И завертелось. Бусинка, как говорится, пошла по рукам. Новые знакомства были стремительными и незапоминающимися. Дети менялись своими сокровищами и передавали её друг другу. Большую

часть имён временных хозяев она так никогда и не узнала, а некоторых даже толком и не разглядела. Пока наконец не попала в картонную коробку, которую Шурик забыл на полке в Бытовке.

– Знаешь зачем я пошла с тобой в Коттедж? – спросила Бижу в конце своего рассказа.

– Зачем?

– Нужно иногда проветриваться и встряхиваться. Жемчуг – это не обычный камень. Жемчуг, если его не носить и не выводить в общество, стареет и постепенно умирает. А мне что-то стареть не хочется. Поняла?

– Ага, – сказала Лиза, хотя не совсем поняла, что значит стареть и умирать. Но Бижутерия Гламур была первым человеком, который заговорил с ней на серьёзную тему, и это она запомнила навсегда.

Глава 5. Граница на замке

1

– Привал, – скомандовал Ножик.

Когда маленький отряд оставил далеко позади коварную Душевную клумбу, он обогнал Маркиза и пошёл первым, сам себя назначив командиром. А никто против этого и не возражал.

Миссис Пин по дороге собрала полную сумку съедобных плодов и ягод. До того, как поселиться в коробке, она много лет жила одна и привыкла рассчитывать только на собственные силы. Маркиз совсем успокоился и больше не бегал от цветка к цветку, которые к тому же попадались всё реже и реже. Он шёл ровно, глядя перед собой большими стеклянными глазами. Если Бижу ещё только мечтала найти своё счастье в Коттедже, то он его, кажется, уже нашёл. И если бы не преданность друзьям, он, наверное, вернулся назад и навсегда остался жить в красоте и аромате цветущих растений. А что? Соорудил бы себе шалаш из веток, подружился с пчёлами, собирал вместе с ними нектар в серебряное ведёрко, думал о вечном и был бы счастлив.

Тяжелее всех в походном строю приходилось Мастеру. Во-первых, как он сам выражался, у него наблюдался явный

избыток лишнего веса, а попросту говоря, он был толстый. Во-вторых, крышка на животе из-за сломанного замочка постоянно распахивалась и приходилось придерживать её руками. Цепочка, которой Брегет обмотался, чтобы закрепить крышку, сползала вниз и путалась под ногами. Чтобы не замечать трудностей перехода, он повторял в уме теоремы из учебника по геометрии – любимой науки, которую ставил превыше остальных и считал прародительницей всех точных наук. Неточные науки Мастер вообще не признавал.

Солнце стояло ещё высоко, но Ножик сказал, что для первого дня достаточно, что они и так без тренировки прошли большое расстояние, и неизвестно сколько им ещё надо пройти. Верхушка антенны по-прежнему виднелась вдалеке, но, по общему мнению, немного увеличилась в размерах.

Привал устроили на склоне высокого холма, где среди каменных валунов нашлась просторная и сухая пещера. Холм одиноко возвышался над ровной долиной, и Мастер заметил, что он явно искусственного происхождения. Древние люди называли такие сооружения «альпийскими горками». В Подмосковье нет настоящих гор. Вот и появилась мода притаскивать на дачу большие камни, складывать их в кучу и высаживать между булыжниками экзотические растения, какие по мнению равнинных жителей должны расти в горной Швейцарии.

За горкой давно уже никто не ухаживал. Некоторые растения засохли, а другие разрослись так, что превратились в

непроходимые заросли. И то и другое понравилось Ножикю: сухие ветки хорошо горели в костре, а густые заросли защищали от непрошенных гостей. Ножик не знал, кого тут следует опасаться, но дополнительная безопасность ночью на привале никому ещё не мешала.

Хозяйственная Циля достала из сумки котелок, несколько горстей ягод и съедобных семян, которые собрала по дороге. Чистую воду нашли неподалёку в глубокой ямке, которая после вчерашнего ливня наполнилась до краёв. На свежем воздухе обычная похлёбка показалась всем удивительно вкусной, а чай из розовых лепестков дикого шиповника ещё вкуснее.

Ночь прошла спокойно. Ножик, Маркиз и Брегет дежурили по очереди. Миссис Пин заявила, что она не какая-то там кисейная барышня и тоже будет дежурить. Ей предложили первую смену. Бижю на дежурстве не настаивала. Про Лизу все решили, что она ещё маленькая, и поэтому ей полагается ночью спать. Но она этого обсуждения уже не слышала. Принцесса сладко посапывала, примостившись на мягкой земляной кочке. Лиза уснула так быстро, что не успела даже снять с головы свою корону, и она поблёскивала в темноте пещеры как осколок звёздного неба.

2

Всё-таки хорошо спать на свежем воздухе и вставать на рассвете, когда весь мир просыпается и радуется первым лучам солнца. В листве деревьев поют невидимые птички, в траве звенят кузнечики, а на костре булькает котелок, разогревая на завтрак вчерашнюю кашу. Лиза проснулась и вылезла из пещеры. Её друзья уже поднялись и занимались своими делами. Ножик точил о камень нержавеющее лезвие. Бижу умывалась утренней росой, капельки которой сверкали на листьях растений. Мастер безуспешно пытался починить сломанный замочек. И только Маркиз с грустным лицом сидел на солнышке и жаловался, что у него после вчерашнего трещит голова, и он не уверен, может ли сегодня куда-нибудь пойти. Но грусть его длилась не долго. После кружки горячего отвара из цветков лечебной ромашки, который специально для него приготовила Циля, он пришёл в себя, и когда команда двинулась в путь, обогнал Ножика и первым забрался на вершину холма.

Внизу, у подножья альпийской горки, протекал ручей. Маркиз никогда раньше не видел этого ручья, но мастера рассказывали о нём и говорили, что Коттедж находится на другом берегу. У ручья не было собственного имени, какое обычно бывает у рек, озёр, морей и других водоёмов. Островитяне называли его просто – Ручей, наверное, потому

что никакие другие ручьи через Остров не протекали. Где у него был исток, и куда он впадал, не знал никто. Возможно, легендарный путешественник Ролик мог бы что-нибудь рассказать об этом, но его уже давно никто не встречал. С вершины холма видны были только густые зелёные заросли слева, откуда Ручей выныривал, и огромный куст репейника справа, за которым он скрывался. Большие листья лопуха плавно колыхались от утреннего ветерка, как уши зелёного слона. Маркиз никогда не видел слонов и не знал, какие у них уши, но полностью доверял рассказам Мастера.

На другом берегу, прямо напротив альпийской горки, раскинулась широкая залитая солнцем поляна. Её на две части делила прямая грунтовая дорога. Кое-где по дороге двигались тёмные точки. Это местные жители шли или ехали по своим делам. Дальний конец дороги скрывался в цветущем шиповнике, из-за которого выглядывал краешек ржавой железной крыши с кирпичной трубой и привязанной к ней покосившейся телевизионной антенной.

Путешественники двигались в правильном направлении. Осталось только перебраться на тот берег. Но в реальной жизни не всё происходит так просто, как кажется на первый взгляд...

3

Тропинку, по которой Лиза и её друзья спустились вниз к ручью, и дорогу на другой стороне соединял мост, сооружённый из старой деревянной лыжи. Неизвестные строители перевернули лыжу вверх ногами и забили острый носок в мягкую землю на одном берегу, а плоский конец придавили на другом тяжёлым камнем. В средней части лыжи сохранилась алюминиевая пластина для крепления ботинка. Она опиралась на столбик, уходящий в глубину ручья, и не давала мосту сильно прогибаться. Вода медленно обтекала поросшую мхом деревянную опору, и было видно, как вокруг неё колыхнутся длинные зелёные листья водорослей. Хозяин лыжи, наверное, пробежал на ней не одну сотню километров: острые края и срединный желобок стёрлись, но кое-где ещё темнели пятна чёрной смолы, а в небольших трещинах и царапинках сохранились кусочки разноцветной лыжной мази. Нагретая солнцем она приятно пахла, напоминая зиму.

Вход на мост перегораживал самодельный шлагбаум, выкрашенный белой краской с чёрными наклонными полосками. Толстая длинная палка лежала, опираясь на верхушки двух деревянных столбиков, вкопанных в землю. На одном конце шлагбаума палка прикреплялась к столбику обычной дверной петлёй и могла поворачиваться. Но на другом конце висел огромный замок, не позволяющий ей это сделать.

Без дополнительных пояснений было ясно, что проход через шлагбаум закрыт.

На берегу рядом с мостом стоял одноэтажный кукольный домик из розовой пластмассы. На стене домика под самой крышей висела белая фанерная дощечка с выгоревшей от солнца чёрной надписью «Контрольно-пропускной пункт (КПП) Барби-1». И как бы подтверждая необычное название, в углу дощечки блестела круглая похожая на печать рекламная наклейка всемирно знаменитой куклы.

4

– Стой! Кто идёт? – прозвучал неожиданный окрик. И сразу за ним из домика вышел человек в чёрной меховой шубе и чёрных круглых очках. Тонкая золотая оправка блеснула на солнце. В руках он держал белую тросточку.

Путешественники остановились.

– Куда и зачем следуем? Кто старший группы? Предъявите документы? – строгим голосом приказал чёрный человек. Команды он произносил отрывисто и громко, как будто заколачивал гвоздями невидимую дверь, через которую путники пытались пройти без разрешения.

– Какие ещё документы? – удивилась Бижу.

– Удостоверяющие ваши личности.

Мастер Брегет похлопал себя руками по животу, как если бы у него под крышкой был потайной карман для денег и документов. Циля заглянула в свою сумку, но ничего похожего на удостоверение личности там не обнаружила. Ножик сунул руку в карман, достал чистый аккуратно сложенный носовой платок, но сообразив, что он совсем не походит на документ, убрал обратно. Лиза вообще не поняла, чего хочет пушистый человек в чёрных очках. «Интересно, а как он видит через такие тёмные стёкла?» – подумала она.

И только Маркиз глубоко вздохнул и срывающимся звонким голосом спросил:

– А по какому такому праву, позвольте узнать, вы требуете от нас какие-то документы?! Вы сами-то, сударь, кто такой будете? У вас у самого-то есть документы?

Лизе показалось, что от напряжения Флакон сейчас треснет и разлетится на мелкие хрустальные осколки.

– Попрошу не шуметь в присутственном месте, – растягивая слова спокойно и даже как-то скучно ответил человек в шубе. – Вы в данный момент находитесь в пограничной зоне. И я, к вашему сведению, – не сударь, а представитель закона и официальное лицо. Начальник, так сказать, контрольно-пропускного пункта «Барби-1». Меня зовут Крот Выхухолевич Корнеплодов. И документы, смею вас заверить, у меня в полном порядке. Ещё вопросы есть?

«Ну и имечко, – подумала Лиза. – Сразу и не запомнишь. Как он его сам-то без запинки выговаривает. Наверное, всю жизнь тренировался».

Присмотревшись внимательнее, Ножик вдруг понял, что дорогу его отряду преградил обычный садовый крот. И чёрная шуба – это не шуба, а его собственная шерсть. И тёмные очки с белой тросточкой он носит, потому что от природы слепой и ничего не видит. Ведь каждому дачнику известно, что кроты всю жизнь проводят под землёй, роют туннели и норы, и глаза им в темноте совсем не нужны. Интересно, кто его такого назначил начальником КПП? И откуда тут, в середине Острова, вообще взялся какой-то КПП?

– Нам на другой берег надо, – сказал Мастер. Он понял,

что криком ничего не решишь и лучше спокойно договориться.

– Без документов нельзя! Не положено! – продолжал упираться Крот.

– Кем не положено?

– Вышестоящим руководством.

Стало ясно, что начальник КПП действительно не хочет пропускать их на мост.

– А позвольте узнать, – спросил Мастер, – как вы будете проверять наши документы, если вы, как я могу предположить, ничего не видите? Вон, у вас даже очки чёрные.

– Об этом не извольте волноваться, – ответил Крот и добродушно улыбнулся своим маленьким ртом. – Для этого у меня есть специально обученный помощник с прекрасными глазами. Баклажаб, дружище, выходи. К нам тут нарушители пожаловали, – крикнул он и постучал тросточкой по розовой стене.

На стук из домика вышло необычное существо. Цветом и формой оно напоминало баклажан, из которого торчали тонкие жабы лапки с перепончатыми ладошками. Гладкая фиолетовая кожа блестела в солнечных лучах. Маленькая лысая голова плавно переходила в грудь и толстый круглый живот. Ушей у существа не было. На их месте виднелись небольшие вмятины. На макушке, там, где у обычного баклажана имеется зелёный хвостик с листочками, торчали большие выпуклые как у лягушки глаза.

– Очень ценный работник, рекомендую, – сказал Крот. – Слышит плохо, но видит всё превосходно.

– Прекратить безобразия! – рявкнул Баклажаб. – Попрошу документики!

– Потихе, приятель, – сказала ледяным голосом миссис Пин. – Мы тут тебе не салаги необученные, и орать мы тоже умеем.

– Зря стараетесь, гражданочка, – сказал Крот. – Я же вам сказал: он плохо слышит. Сами посмотрите – у него и ушей-то нет. Баклажаб, в некотором роде, – жертва прогресса. ГМО – генномодифицированный организм, так сказать... Мутант... А если быть более точным – ошибка биологического эксперимента по генной модификации. Объединяет, выражаясь научным языком, в одном теле лучшие свойства болотной жабы и огородного баклажана. К сожалению, во время опыта что-то пошло не так, и некоторые важные свойства двух организмов были безвозвратно утеряны или ослаблены. В том числе слух. Туговат на ухо, как говорится... Плохо слышит... Поэтому и кричит так громко. Думает, что мы его тоже плохо слышим. Говорят, учёные работают над этой проблемой, но пока безрезультатно. Хотя, если разобраться, уши для контрольно-пропускной службы – не самое главное.

Словно в подтверждение его слов Баклажаб протянул вперёд переднюю лапку, между пальцами которой растянулись тонкие перепонки, и молча ждал, когда в его широкую ладонь что-нибудь положат.

– У нас нет документов, – сказала Бижу.

– На нет – и прохода нет, – спокойно ответил Крот.

– Но нам обязательно нужно попасть в Коттедж, – сказал

Ножик.

– Сочувствую... Но для прохода в Коттедж нужен пропуск. Таков закон.

– А где взять пропуск?

– Получить в канцелярии.

– В какой канцелярии?

– В канцелярии синьора Бальзамика.

– И где найти этого вашего синьора?

– Канцелярия синьора Бальзамика находится в Коттедже.

– Приплыли, – сказала Циля. – Как же мы можем попасть, к этому Бальзаму, если он находится там, куда вы нас без пропуска не пускаете?

– Не Бальзаму, – вежливо поправил Крот, – а Бальзамику. Синьору Бальзамику. – Немного помолчав, он продолжил: – Для решения этого вопроса существует несколько способов. Например, можно кого-нибудь попросить, чтобы вам оформили разовый пропуск только для прохода туда и обратно.

– Но мы же там никого не знаем. Кого мы будем там просить? И опять же, чтобы кого-нибудь попросить, надо сначала туда пройти.

– Надо, – Крот понимающе пожал плечами, – но это же вам надо, а не мне.

– Нелогично, – задумчиво произнёс Мастер и покрутил

колёсико у себя на голове.

Крот снова пожал плечами, показывая этим, что он только рядовой исполнитель, назначенный охранять вверенный ему объект, и не может самовольно нарушать правила, установленные высшими руководителями.

Вперёд вышла Бижу. Она быстро сообразила, к чему клонит начальник КПП, хитро подмигнула ему и сказала:

– Я так думаю, что мы можем с вами здесь... на месте... договориться. Зачем нам с вами лишняя бюрократия? Какая-то дурацкая канцелярия, какого-то там синьора...

– Ни «какого-то там синьора», а глубоко уважаемого синьора Бальзамика, – поправил её Крот.

– Ну ладно-ладно, не сердитесь. Я не хотела никого обидеть. Просто думала договориться с вами по-хорошему.

– Вы на что это намекаете? – возмутился Крот, всем своим видом показывая негодование. – Может быть вы мне хотите взятку предложить?

– Мы взятки не берём! – заорал Баклажаб. Вероятно, то, что для него было полезно, он слышал хорошо. – Взятки запрещены! Оплата строго по таксе!

– Какой такой таксе? – спросил Маркиз – У нас вообще нет с собой собаки.

– При чём тут собака? – сказал Крот. – Вы нас не путайте. Инспектор Баклажаб, учитывая ваше бедственное положение и крайнюю нужду в документах, имел в виду, не собаку-таксу, а вполне законный преysкурант.

– Это что? Типа прайс-лист, как в магазине?

– Называйте, как хотите. Прайс-лист, ведомость, меню или ещё что-нибудь – не имеет значения. Суть проблемы в том, что, если вы хотите пройти на ту сторону, то можете здесь и сейчас оплатить законную – я подчёркиваю, законную! – контрольно-пропускную пошлину. Но... строго по тарифу! То есть, по таксе!

Он ткнул своей тросточкой в небо. Человечки посмотрели вверх, но никакого тарифа, а тем более таксы, там не увидели. Все снова посмотрели на Крота, но тот молчал. В чёрных стёклах его очков двумя золотыми монетами отражался жёлтый солнечный круг.

Баклажаб снова протянул вперёд перепончатую лапку и потёр друг о друга большим и указательным пальцами.

– Циля, что это он показывает? – шёпотом спросила Лиза.

– Ясно что. Денег хочет, – ответила миссис Пин негромко.

Наступила та неловкая пауза в переговорах, когда дело доходит до согласования цены, и надо определиться, что и сколько стоит. Но ни одна из договаривающихся сторон не торопится назвать свою сумму, боясь продешевить или предложить лишнее.

И тут вперёд вышла Лиза.

– Уважаемые контролёры, – сказала она, – у нас совсем нет денег. Пропустите нас, пожалуйста, в Коттедж просто так – в долг... А я вам потом отдам, когда домой прилечу.

Крот опёрся на тросточку обеими руками и уставился

прямо на девочку. Лизе показалось, что он своими чёрными очками сейчас просвечивает её насквозь и видит всё, что она думает.

– Какая оригинальная логика, – сказал начальник КПП «Барби-1». – Если у тебя, девочка, нет денег сейчас, то откуда же они появятся потом? И что же ты собираешься делать в Коттедже без денег? Попрошайничать?! Или честных людей грабить? А может быть, вы все – банда злодеев? Или, страшно подумать, – злоумышленники?! Слышишь, Баклажаб, может быть, они того-самого – экстремисты? – Он повернулся к своему фиолетовому помощнику и, подтверждая сказанное, провёл ребром ладони по горлу. Баклажаб молча моргнул в ответ огромными лягушачьими глазами. – А может быть, вы замыслили сотворить что-нибудь плохое против нашего дорогого синьора Бальзамика?! Или, страшно даже подумать, – против его превосходительства господина Дракончика?!

– Что вы, что вы, – испуганно замахала руками Лиза. – Какие же мы бандиты и эти самые, как их там... Экстермисты. Мы простые путешественники. И знать ничего не знаем о каком-то там Дракончике.

– Ни о каком-то там! А о губернаторе Ничейного Острова его превосходительстве господине Дракончике! Попрошу запомнить, – строгим тоном поправил Крот и продолжил: – Правило номер семнадцать дробь три пункт «ж» о взимании контрольно-пропускных пошлин гласит... – Он снова уставился в небо и подняв тросточку принялся писать на вообра-

жаемом голубом небесном листе невидимыми буквами слова, который давно уже выучил наизусть, а может быть выдумал прямо сейчас. При этом он громко и чётко, как отличник у школьной доски, повторял написанное: – Если лицо или группа лиц, пересекающая шлагбаум, не имеет финансовых средств для уплаты дорожной подати, то, на усмотрение начальника КПП, разрешается взыскать оную сумму в натуральном эквиваленте. У вас есть натуральный эквивалент?

– Если бы мы знали, что это такое, – сказала Бижу, – может быть, и нашёлся.

– Ничего сверхъестественного, – пояснил Крот. – Ну там, всякие ценности: золото, бриллианты, хорошая одежда... Продукты питания, тоже подойдут.

– У этой, господин Корнеплодов, которая с вами разговаривает, – сказал Баклажаб и ткнул перепончатой лапкой в Бижу, – жемчужная голова. Розовый жемчуг, очень редкого и ценного сорта. Я в этих вопросах немного разбираюсь.

– У нас ничего такого нет. Ни золота, ни бриллиантов, – сказал Ножик, загораживая Бусинку. – А её голова тебя, пучеглазый, не касается. Это тебе не натуральный эквивалент. Это уникальное явление природы. И не протягивай к нему свои грязные лапы.

Бижу приятно удивилась неожиданному комплименту и улыбнулась, а Баклажаб поднёс фиолетовую ладошку к выпуклым глазам, внимательно осмотрел, и, не обнаружив на ней никакой грязи, удовлетворённо моргнул.

– Ну нет – так нет, – сказал Крот, пожимая меховыми плечами. – Я же не для себя стараюсь – для государственного бюджета тружусь. Хотел, чтобы было всё по правилам. Ну, а раз не выходит по-хорошему, то поворачивайте-ка, граждане дорогие, обратно и идите туда откуда пришли... Вот выправите себе правильные документики или денегат накопите, тогда и приходите. Оформим всех чин чинарём по первому разряду... Баклажаб! Охраняй границу! И чтобы муха мимо тебя не пролетела.

Он повернулся к помощнику и, подкрепляя устный приказ жестами, указал тросточкой в сторону путешественников, потом постучал по замку, запирающему шлагбаум, и скрестил руки перед собой, как обычно показывают, когда путь закрыт.

– Не извольте беспокоиться, господин начальник. Не только муха, но и комар не проскочит, – ответил понятливый Баклажаб и облокотился на полосатый столбик.

Крот одобрительно кивнул и скрылся в розовом домике.

Никаких мух и комаров поблизости не было. Только вдалеке за ручьём несколько пчёл тянули за верёвку по небу что-то блестящее. Лиза пригляделась и узнала свой шарик. Газ из него почти улетучился. Он некрасиво сморщился и держался в воздухе из последних сил.

Глава 6. Что сказал Баклажаб

1

Вот что значит «не везёт, так не везёт». Прошёл всего-то один день, и на тебе пожалуйста – граница на замке и фиолетовый охранник без ушей. А машинка времени в Коттедже. А до Коттеджа ещё топать и топать. И что делать – не понятно. Должен же быть ещё какой-нибудь способ перебраться на ту сторону. Надо просто напрячься и хорошенько подумать.

Ножик с усилием чесал затылок, пытаясь таким образом активизировать работу головного мозга. Он по-прежнему считал себя руководителем экспедиции и ответственным за принятие правильных решений, но ни какие разумные мысли в его голову почему-то не приходили.

Друзья отошли подальше от неприступного КПП «Барби-1» и уселись на траву: надо было спокойно обсудить сложившуюся ситуацию.

– Нечего тут нюни рассусоливать! – решительно сказала Циля. – Предлагаю прорываться с боем!

– С каким боем? – не понял Маркиз.

– С решительным боем против вымышленных преград и ограничений. За свободу передвижения! Я тут прикинула обстановку: у нас в три раза больше сил, чем у противни-

ка. Мы с Ножиком берём на себя очкастого Крота. Флакон с Брегом вяжут лапы Баклажабу. Бусинка создаёт панику и отвлекает внимание, а Лиза бежит на другой берег.

Все разом, перебивая друг друга, принялись обсуждать план боевой операции. Маркиз сказал, что Баклажаб в сто раз тяжелее его, и он с ним не справится. Мастер опасался, что в самый ответственный момент у него откроется крышка на животе, он потеряет равновесие, свалится в воду и утонет. И не понятно: чем они будут вязать лапы Баклажабу, если у них нет верёвки. Ножик сказал, что может, конечно, про-ткнуть Крота лезвием, но не хочется начинать мирное гуманитарное путешествие с жестокого кровопролития, и следует найти менее агрессивное решение. Бижу обиделась, что Циля поручила ей роль паникёрши, хотя она неплохо умеет кусаться и царапаться. Финальную точку в дискуссии поставила Лиза. Она сказала, что одна на другой берег не побежит, так как не знает, что делать дальше. И вообще не известно: сколько ещё таких препятствий встретится им по дороге в Коттедж, и сколько контролёров неведомого синьора Бальзамика им придётся ещё ликвидировать.

– Может быть вернёмся домой? – робко предложил Маркиз. – Не всем же в коттеджах развлекаться и на воздушных шарах летать, должен кто-то и в бытовках жить.

Все с удивлением посмотрели на него.

– По-моему наш Пузырёк не до конца протрезвел после отравления, – сказала Бижу. – Или тебя опять на Душевную

клумбу потянуло, алкоголик.

Маркиз понял, что ляпнул какую-то глупость, смутился и промолчал. Остальные тоже молчали: им было стыдно за своего товарища.

И как раз в это время к ним подошёл Баклажаб.

– Присесть можно? – спросил он. Крота рядом не было, и голос контролёра смягчился, потерял официальную строгость и даже показался приятным.

– Садись, – махнул рукой Ножик. – Здесь не театр, места не куплены.

– Вы на меня не обижайтесь, – сказал Баклажаб. – Я ведь человек служивый, государственный – делаю что начальство велит.

– Тоже мне, нашёл оправдание, – проворчал Ножик. – А если начальство прикажет тебе нас в ручье утопить?

Баклажаб не расслышал его слов – или просто сделал вид, что не расслышал, – смешно захлопал глазами. Все улыбнулись. Грозный стражник, наверное, уже давно ни с кем просто так по-дружески не разговаривал, и ему очень хотел высказать всё, что накопилось в его душе.

2

Баклажаб устроился работать в контрольно-пропускную службу недавно. До назначения на должность инспектора КПП «Барби-1» он был техником-экспериментатором, в одной очень секретной лаборатории, которая исследовала биологические организмы, способные совершать длительные космические перелёты. Он и появился на свет в этой же самой лаборатории – как результат опыта по генной инженерии.

Кому-то из учёных пришла в голову гениальная мысль: соединить в одном организме баклажан и жабу. Жаба хорошо переносит похолодание, решили биологи. Перед наступлением зимы она ныряет на дно неглубокого водоёма и прячется там среди тины и опавших осенних листьев. Если зимой мороз будет не очень сильным, и вода не промёрзнет целиком до самого дна, то жаба может преспокойно спать там до весны. А баклажан, наоборот, – теплолюбивый овощ. Он не любит холода, но зато имеет крепкую гляцевую кожицу. К тому же, он очень полезен для здоровья: укрепляет сердце и регулирует внутренние процессы в организме. Его даже называют «овощем долголетия».

Учёные решили, что крепкое здоровье и способность погружаться в длительную спячку при низкой температуре – очень важные свойства для космонавта. Так на свет из лабо-

раторной пробирки появился Баклажаб.

От жабы ему достались большие выпуклые глаза и четыре лапки с перепонками между пальцев, а от баклажана – форма тела и гладкая фиолетовая кожа. По невыясненной причине у него совсем не сформировались уши, не было даже маленьких слуховых дырочек на глянцевой голове. Поэтому Баклажаб плохо слышал, но хорошо чувствовал вибрации. Звук передавался в его мозг через колебания кожи в углублениях лысого черепа. Учёные решили, что наиболее удобным способом коммуникации с новым организмом будет азбука Морзе. И любой радист, который знал эту азбуку, мог с ним легко общаться, выстукивая буквы на затылке короткими и длинными щелбанами – точками и тире. Этот способ ему очень не нравился. Он даже сочинил стишок, который постоянно повторял в уме:

Люди, берегите друг друга.

Моя голова – не пустая бочка.

Слышите? Это я говорю вам оттуда.

И туда же говорите мне в ответ.

А то одни только сплошные тире да точки.

Понимать обычную речь и разговаривать он научился несколько позже.

Когда Баклажаб освоил письмо, его отправили в космическую экспедицию – радистом на орбитальную станцию. Це-

лыми днями он сидел около рации, надев на голову специальные наушники с маленькими молоточками. Аппаратура связи принимала радиogramмы, точки и тире преобразовывались в короткие и длинные электрические импульсы, и молоточки били фиолетовому радисту, в прямом смысле слова, по темечку. Баклажаб записывал сообщения буквами на бумаге и складывал листочки в специальную картонную папку с завязками. При возвращении на землю он захватил папку с собой и отдал лично в руки начальнику Центра управления полётами. Куда делись потом эти записи Баклажаб не знал, но надеялся, что их использовали для проведения каких-нибудь крайне важных научных экспериментов.

Должность радиста Баклажабу не нравилась. После каждого сеанса связи у него от стука молоточков сильно болела голова, и он долго не мог уснуть. Не помогало даже снижение температуры в жилом отсеке орбитальной станции до +3 градусов. Вместо того, чтобы сладко спать в специальной гидростатической кровати, Баклажаб заворачивался в клетчатое шерстяное одеяло и дрожал, прижавшись к тёплой радиаторной решётке бортового электрогенератора.

А вот следующая космическая экспедиция оставила в его памяти самые лучшие воспоминания. Именно тогда он познакомился с Дракончиком, которого Крот Корнеплодов называл «его превосходительством», и с лягушонком по имени Огурчик.

Учёные из секретной лаборатории решили проверить, как

хорошо Баклажаб будет чувствовать себя в условиях уменьшенной гравитации и безвоздушного пространства, характерных для длительного межпланетного перелёта. Исследования решено было проводить на лунной базе, где совсем нет атмосферы, а притяжение в шесть раз меньше земного.

Для связи с Землёй и помощи при проведении научных экспериментов в состав экспедиции включили второго участника – трёхголового тритона Дракончика.

У Дракончика было действительно три головы, отчего он был похож на маленького Змея Горыныча, только без крыльев и огненного дыхания. До встречи с Баклажабом тритон работал в той же лаборатории, но в другом отделе – отделе регенерации. Биологи изучали возможность восстановления разных органов у земноводных животных. Отрежут ему ногу и смотрят, как на этом месте отрастает новая нога. Когда все ноги, руки и хвост были отрезаны и выращены по нескольку раз, дошла очередь и до головы. Но тут способность тритона к регенерации дала сбой – вместо одной отрезанной головы выросло сразу две. Одну лишнюю голову решили удалить, а вместо неё выросло ещё две. Дальнейшие эксперименты прекратили. Так тритон остался трёхголовым и получил прозвище Дракончик.

Третьим участником экспедиции оказался самый обычный лягушонок. Его поймали в Комитетском лесу в большой луже. Он понадобился учёным в качестве контрольного образца для сравнения с генномодифицированным Бакла-

жабом и регенерированным Дракончиком. Маленькие пупырышки покрывали зелёную спинку лягушонка и делали его похожим на молодой огурец. В списке участников научной экспедиции у него была самая длинная запись – «Контрольный природный экземпляр – образец обыкновенного болотного лягушонка, кодовое наименование – Огурчик», но между собой для краткости сотрудники лаборатории называли его Лягурчиком.

В результате сложился дружный научно-исследовательский коллектив.

Дракончик оказался прекрасным экспериментатором. Он научился одновременно делать три дела: одна голова слушала приказы начальника экспедиции Баклажаба, вторая поддерживала постоянную связь с командным пунктом на Земле, а третья контролировала окружающую обстановку. Мешала только одна проблема: для выхода из помещения базы на лунную поверхность приходилось надевать защитный скафандр с тремя стеклянными шлемами. При быстрой ходьбе шлемы раскачивались и стучались друг о друга. Дракончик придерживал их руками, чтобы они не разбились, как шары на новогодней ёлке. Тритон с ужасом вспоминал ту праздничную вечеринку, когда научные работники так развеселились, что уронили наряженную ёлку на пол и с грохотом перебили все игрушки.

Лягурчик родился и вырос в лесной глуши. Он не получил хорошего образования и, тем более, не имел опыта научных

исследований, но оказался очень способным и быстро всему учился. Больше всего Лягурчик переживал, что после возвращения на Землю, его, как наименее ценного члена экипажа, отстранят от научной работы или вообще уволят без выходного пособия и пенсии. В свободное время он починил старенький Луноход, который обнаружил в соседнем кратере. Машину и чинить-то особенно не пришлось: Лягушонок просто открыл круглую крышку с солнечной батареей – она захлопнулась много лет назад во время последнего сеанса связи – Луноход и поехал. Лягурчик оказался прекрасным механиком-водителем. Если бы он нашёл второй луноход, то мог бы организовать первые в истории Луны кольцевые автогонки. Но этого не случилось, и ему пришлось в одиночку наматывать круги по гребню лунного кратера. У Луны нет атмосферы, и звука от работающего двигателя не слышно. Для большего эффекта Лягурчик громко тархтел, подражая гоночному автомобилю, и сам себе подавал команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.